

Кен Фоллетт

Человек из Санкт-Петербурга

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118954

Фоллетт, Кен Человек из Санкт-Петербурга : [роман] : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080143-5

Оригинал: Ken Follett, "THE MAN FROM ST. PETERSBURG"

Перевод:

Игорь Л. Моничев

Аннотация

1914 год. Германия наращивает военную мощь. Европа на грани катастрофы. Правительство Великобритании понимает: единственный шанс на победу в предстоящей войне – союз с Россией, который во что бы то ни стало нужно сохранить в тайне от Германии.

Но разведка противника не дремлет, и в Лондон для срыва переговоров уже отправился безжалостный и хладнокровный убийца.

Если ему удастся задуманное – последствия окажутся катастрофическими для всей Европы. А остановить его практически невозможно...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кен Фоллетт

Человек из Санкт-Петербурга

Невозможно любить человечество. Можно лишь любить людей.
Грэм Грин

Ken Follett

THE MAN FROM ST. PETERSBURG

© Ken Follet, 1982

© Перевод. И.Л. Моничев, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава первая

Это был спокойнейший воскресный день, один из тех, что так нравились Уолдену. Он стоял у распахнутого окна и любовался парком. Среди широких ровных лужаек высились крепкие стволы деревьев: шотландская сосна, пара кряжистых дубов, несколько каштанов и ива с кроной, напоминавшей кудрявую девичью головку. Солнце стояло высоко, и деревья отбрасывали глубокие, полные прохлады тени. Птицы умолкли, зато доносилось довольное жужжание пчел, вившихся вокруг цветущего плюща, прилепившегося к стене рядом с окном. В доме тоже царил покой. Большинство слуг во второй половине выходного дня получили время для отдыха. А единственными гостями были Джордж, брат Уолдена, и его жена Кларисса с детьми. Джордж отправился на прогулку, Кларисса после обеда прилегла, а детей вообще не было видно. Уолден наслаждался комфортом. Само собой, к церковной службе ему пришлось надеть подобающий случаю сюртук, а через пару часов предстояло облачиться к ужину во фрак с белым галстуком, но пока он ощущал себя вполне уютно в простом костюме из твида и рубашке с мягким воротником. «Остается лишь, – подумал он, – чтобы вечером Лидия согласилась сесть за рояль, и можно считать этот день на редкость удачным».

Он повернулся к жене:

– Ты сыграешь нам после ужина?

– Конечно, если тебе этого хочется, – улыбнулась Лидия.

Уолден услышал шум и снова посмотрел в окно. В дальнем конце подъездной дорожки в четверти мили от дома показался автомобиль. Уолден почувствовал легкое раздражение, подобное едва ощутимой ломоте в правой ноге, появлявшейся каждый раз перед грозой. «Почему мне должна досаждать чья-то машина?» – подумал он. Это вовсе не значило, что он был принципиальным противником самодвижущихся экипажей. Ему принадлежал «ланчестер», которым он регулярно пользовался для поездок в Лондон и обратно. Вот только летом в сельской местности авто давали повод для возмущения, поднимая облака пыли на немощных дорогах. Он уже давно собирался уложить ярдов сто гудрона вдоль деревенской улицы. В ином случае он бы не колеблясь выполнил намеченное, но за дороги теперь отвечали другие с тех пор, как в 1909 году Ллойд Джордж учредил так называемые местные дорожные дирекции. И именно это, как ясно осознавал он, вызывало столь острое раздражение. Типичный образчик либерального законотворчества: они теперь брали с Уолдена деньги якобы за ту работу, которая была бы сделана и без их участия. А в результате не делали ничего. «Скорее всего придется все-таки замостить дорогу самому, – заключил он, – вот только бесит, что заплатить за это придется дважды».

Автомобиль въехал на покрытый гравием двор и с громким хлопком, содрогнувшись, остановился у южных дверей дома. Выхлопные газы постепенно достигли окна, и Уолдену пришлось даже задержать дыхание. Первым наружу выбрался водитель в шлеме, очках-«консервах» и плотном плаще личного шофера. Потом он открыл дверь для своего пассажира. Показался низкорослый мужчина в черном пальто и черной фетровой шляпе. Уолден узнал прибывшего, и сердце заныло: покой дня был безвозвратно потерян.

– Это Уинстон Черчилль, – сказал он.

– Какое бесстыдство! – отозвалась Лидия.

Этот человек попросту отказывался понимать, что им пренебрегают. В четверг он прислал записку, которую Уолден даже не стал читать. В пятницу позвонил Уолдену в лондонский особняк, и ему сказали, что графа нет дома. И вот в воскресенье проделал путь до Норфолка, где ему снова дадут от ворот поворот. «Неужели он думает, что его упрямство может на кого-то произвести впечатление?» – недоумевал Уолден.

Ему не нравилось быть грубым, но Черчилль этого заслуживал. Правительство либералов, в котором Черчилль занимал пост министра, перешло в злонамеренную атаку на незыблемые основы английского общества, обложив налогами крупных землевладельцев, подрывая авторитет палаты лордов, безвольно отдавая Ирландию под власть католикам, ослабляя Королевский военно-морской флот и уступая шантажу со стороны профсоюзов и этих чертовых социалистов. Да Уолден и люди его круга руки не подадут одному из лидеров либеральной партии!

Открылась дверь, и в комнату вошел Притчард. Это был рослый кокни¹ с густо намазанными бриллиантином черными волосами и очень серьезным видом, явно напускным. Еще мальчишкой он сбежал из Англии на корабле, высадившись в восточной Африке. Уолден как раз там охотился и нанял паренька присматривать за носильщиками-туземцами. С тех пор они уже не разлучались. Теперь Притчард заменял Уолдену управляющего, перебираясь вместе с ним из одного дома в другой, и стал ему другом в той степени, в какой это вообще возможно для слуги.

– К нам прибыл первый лорд Адмиралтейства, хозяин, – доложил Притчард.

– Меня нет дома, – сказал Уолден.

Притчард заметно нервничал. У него пока не выработалась привычка выставлять за порог членов кабинета министров. «Дворецкий моего отца сделал бы это и бровью не повел», – подумал Уолден. Но старик Томсон с почетом ушел на покой и теперь выращивал розы в садике при своем небольшом коттедже в деревне, а Притчарду почему-то никак не удавалось перенять столь же величавые, исполненные достоинства манеры.

Вот и сейчас Притчард начал проглатывать гласные в словах, что происходило, когда он либо излишне расслаблялся, либо чрезмерно напрягался.

– Мистер Черчль знал, что вы так скажете, и ввел предать вам псьмо, м'лорд.

И протянул руку с подносом, на котором лежал конверт.

Но Уолдену больше всего не нравилось, когда его к чему-то принуждали.

– Верни ему письмо немедленно... – начал он сердито, но осекся, чтобы еще раз, но уже внимательнее всмотреться в почерк на конверте. Было что-то очень знакомое в этих крупных, аккуратно выведенных под правильным наклоном буквах.

– О Господи! – вырвалось у него.

Он взял конверт, вскрыл его и достал сложенный вдвое лист плотной белой бумаги, увенчанный вверху гербом королевского дома, напечатанным красной краской.

Уолден прочитал:

«Букингемский дворец
1 мая 1914 года
Мой дорогой Уолден!
Ты примешь молодого Уинстона.

Георг R.I.»².

– Это от короля, – сообщил он Лидии.

Уолден так смутился, что густо покраснел. Было чудовищно бестактно втягивать в подобные дела монарха. Он почувствовал себя школьником, которому велели прекратить озорничать и взяться за домашнее задание. На мгновение возникло искушение не подчиниться королю. Да, но если подумать о последствиях... Лидия не сможет больше встречаться с королевой, их перестанут приглашать на приемы, где возможно появление хотя бы одного из членов королевской семьи, и – что хуже всего – дочь Уолдена Шарлотта не будет пред-

¹ Пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев общества. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² R.I. – от латинского Rex et Imperator – король и император, титулы британских монархов.

ставлена при дворе в качестве дебютантки сезона. Словом, вся их светская жизнь окажется под угрозой. Нет, о том, чтобы воспротивиться воле короля, и речи быть не могло.

Уолден вздохнул. Черчилль сумел добиться своего. Но в какой-то степени граф даже испытал облегчение, ведь теперь никто не посмеет обвинить его в том, что он нарушил единство в своей партии по собственному почину.

«По письму от самого короля, старина, – объяснит он любому. – С этим ничего не поделаешь, ты же понимаешь!»

– Пригласи мистера Черчилля войти, – отдал он распоряжение Притчарду.

Письмо он передал Лидии. «Либералы совершенно не осознают, как функционирует монархия», – подумал Уолден.

– Король не проявляет к ним достаточной жесткости, – пробормотал он.

– Это становится невыносимо скучно, – отозвалась Лидия.

«На самом деле ей нисколько не скучно, – отметил про себя Уолден. – Напротив, она, вероятно, весьма заинтригована, но вынуждена говорить то, что в таких случаях пристало английской графине, и поскольку она даже не англичанка, а русская, ей вдвойне нравится произносить типично английские реплики подобно тому, как человек, владеющий французским, то и дело уснащает свою речь словечками типа “alors” или “hein”³».

Уолден подошел к окну. Машина Черчилля все еще урчала мотором и отравляла воздух в его дворе. Водитель стоял перед ней, положив руку на дверь жестом кучера, сдерживающего лошадь, чтобы она не понесла. Несколько слуг наблюдали за происходящим с почтительной дистанции.

Вернулся Притчард и провозгласил:

– Мистер Уинстон Черчилль!

Сорокалетний министр был ровно десятью годами моложе Уолдена, невысок ростом и строен, а одевался, как показалось хозяину, чуть более элегантно, чем полагалось истинному джентльмену. Он быстро терял волосы – они уже почти отсутствовали за линией лба, но вились кудрями на висках, и это в сочетании с коротким носом и постоянным сардоническим блеском в глазах придавало ему вид весьма лукавый. Понятно, почему карикатуристы так полюбили изображать его таким злым херувимом.

Черчилль пожал руку Уолдену и дружески приветствовал:

– Добрый день, граф.

Затем поклонился Лидии:

– Здравствуйте, леди Уолден.

Уолден так и не смог понять, почему этот человек столь действовал ему на нервы.

Лидия предложила гостю чаю, а хозяин пригласил присесть. Уолден не собирался попусту тратить время на светские разговоры: ему не терпелось узнать, из-за чего, собственно, разгорелся сыр-бор.

– Прежде всего, – начал Черчилль, – я должен лично и от лица его величества принести извинения за навязчивость в стремлении к этой встрече.

Уолден лишь кивнул. Даже из вежливости он не стал делать вида, будто ничего особенного не случилось.

– Есть ли необходимость объяснять, – продолжал Черчилль, – что я никогда не пошел бы на это, не будь у меня чрезвычайно важного повода?

– Нет, но мне хотелось бы сразу выяснить, в чем он состоит.

– Вы осведомлены о том, что происходит на финансовом рынке?

– Да, если вы имеете в виду рост учетных ставок.

³ «Тогда» и «каково» (фр.).

– С одного и трех четвертей почти до трех процентов. Это огромный рост, и он произошёл всего за несколько недель.

– Как я полагаю, вам известны причины.

Черчилль кивнул:

– Немецкие компании приступили к широкомасштабной реструктуризации своих финансов – они повсеместно требуют немедленной выплаты им долгов, накапливая наличные и скупая золото. Пройдет еще несколько недель, и Германия соберет все, что ей должны другие государства, а взятые у них кредиты продлит на неопределенный срок – в то время как их золотой запас достигнет невиданных прежде размеров.

– Они готовятся к войне.

– Да, и не только таким путем. Они повысили налогообложение на миллиард марок в сравнении с обычным уровнем, чтобы укрепить свою армию, уже ставшую самой мощной в Европе. А теперь вспомните тысяча девятьсот девятый год, когда Ллойд Джордж увеличил сбор налогов на пятнадцать миллионов фунтов, – у нас в стране едва не произошла революция! Так вот, миллиард марок равен пятидесяти миллионам фунтов. Это самый высокий налог в европейской истории...

– Я все понимаю, – перебил Уолден. Черчилль начинал подпускать в свой голос актерские нотки, а Уолдену вовсе не хотелось давать ему возможность произнести речь. – Мы, консерваторы, уже давно выражали обеспокоенность ростом германского милитаризма. И вот теперь, когда тучи над головой по-настоящему сгустились, вы приехали сообщить, что мы были правы?

Черчилля его реплика нисколько не смутила.

– Нет сомнений, что Германия нападет на Францию. Вопрос в том, придем ли мы на помощь французам?

– Разумеется, нет, – не без удивления ответил Уолден. – Министр иностранных дел заверил, что в отношении Франции у нас нет никаких обязательств.

– Сэр Эдвард, без сомнения, говорил искренне, – сказал Черчилль. – Но он ошибается. Между нами и Францией установилось взаимопонимание, так что мы ни в коем случае не останемся в стороне, чтобы позволить немцам победить ее.

Уолден испытал подобие шока. Ведь либералы убедили всех, включая его самого, что ни в коем случае не втянут страну в военные действия; а теперь один из их ведущих министров сообщал ему нечто совершенно противоположное. Двучленность политиков переходила всякие границы, но Уолден на время отстранился от этих мыслей, чтобы вообразить себе последствия, вызванные войной, и представил всех тех известных ему молодых людей, которым придется пойти на поля сражений: трудолюбивых садовников, ухаживающих за его парком, щекастых лакеев, загорелых пареньков-фермеров, веселых и буйных студентов, аполитичных бездельников из клубов Сент-Джеймса... Но на смену этим размышлениям пришли соображения куда более мрачные, и у него вырвалось:

– Но разве мы можем рассчитывать на победу?

– Думаю, что нет, – угрюмо ответил Черчилль.

Уолден уставился на него.

– Боже милостивый, тогда что же вы творите?

Но Черчилль был готов к обвинениям.

– Мы в своей внешней политике всегда стремились избежать войны, а это невозможно сделать, одновременно вооружаясь до зубов.

– Но вы не сумели избежать войны.

– Мы все еще прилагаем усилия.

– И тем не менее заранее знаете, что ваши усилия обречены.

Показалось, что Черчилль готов ввязаться в яростный спор, но он подавил свою гордость и просто признал:

– Да.

– Так что же нас ожидает?

– Если Англия и Франция совместными усилиями не способны нанести Германии поражение, мы обязаны привлечь на свою сторону третью страну – Россию. Если немцам придется разделить свои силы, сражаясь на два фронта, мы сможем одержать верх. Российская армия, конечно, плохо обучена и морально разложена – как и все остальное в этой стране, – но это не имеет значения, если им удастся оттянуть на себя часть германских войск.

Черчилль прекрасно знал, что Лидия – русская, и это была вполне характерная для него бестактность – дурно отозваться о России в ее присутствии, но Уолден пропустил ее мимо ушей, настолько заинтересовали его слова Черчилля.

– Но ведь Россия и так состоит в союзе с Францией, – заметил он.

– Этого недостаточно, – сказал Черчилль. – Россия обязана сражаться на стороне Франции, только если та станет жертвой агрессии. То есть России предоставлено право самой решать, является ли Франция жертвой или выступает в роли агрессора в каждом отдельном случае. Когда разразится война, обе стороны заявят, что первыми подверглись нападению противника. Таким образом, договор с Францией лишь означает, что Россия может вступить в войну, только если сочтет это нужным. А нам необходимо, чтобы Россия твердо и бесповоротно встала на нашу сторону.

– Не могу себе представить, чтобы политики вашего толка объединились с царем.

– Стало быть, вы нас недооцениваете. Чтобы спасти Англию, мы готовы объединиться хоть с самым дьяволом.

– Вашим избирателям это едва ли понравится.

– Им об этом знать ни к чему.

Уолден понимал, куда все идет, и перспектива начала представляться ему многообещающей.

– Так что же вы задумали? Секретный пакт? Или негласное устное соглашение?

– И то и другое.

Уолден, прищурившись, посмотрел на Черчилля. «А ведь у этого молодого демагога могут быть мозги, – подумал он, – и эти мозги не обязательно учитывают мои личные интересы. Либералы стремились заключить тайную сделку с царем, несмотря на ту неприязнь, которую их сторонники в массе своей питали к деспотическому режиму в России. Но к чему сообщать об этом мне? Им зачем-то нужно втянуть в это дело меня – по крайней мере это ясно. С какой же целью? Чтобы в том случае, если все пойдет не так, иметь под рукой консерватора, на которого можно свалить вину за провал? Но им потребуется куда более тонкий интриган, чем Черчилль, чтобы заманить меня в такую ловушку».

Но вслух он лишь сказал:

– Продолжайте, я вас слушаю.

– По моей инициативе были начаты переговоры с Россией по военно-морским проблемам, которые проходят в одном ряду с нашими военными переговорами с Францией. Какое-то время они протекали достаточно вяло, но сейчас предстоит взяться за них со всей серьезностью. В Лондон прибывает молодой российский адмирал. Это князь Алексей Андреевич Орлов.

– Алекс?! – воскликнула Лидия.

Черчилль посмотрел на нее.

– Насколько я понимаю, он ваш родственник, леди Уолден.

– Да, – ответила она, но по непостижимой для Уолдена причине в голосе ее прозвучала некоторая напряженность. – Он сын моей старшей сестры, а мне в таком случае приходится... Кузеном?

– Племянником, – уточнил Уолден.

– А я и не знала, что он теперь адмирал, – продолжала Лидия. – Вероятно, назначение состоялось совсем недавно.

Теперь она выглядела совершенно спокойной, и Уолден решил, что ее мгновенная неловкость ему почудилась. Его обрадовало известие, что Алекс приезжает в Лондон: ему он всегда нравился.

– Но он еще так молод, чтобы получить столь важный чин, – сказала Лидия.

– Ему тридцать лет, – возразил Черчилль, и Уолден невольно подумал, что сорокалетний Черчилль сам еще очень молод, чтобы командовать Королевским военно-морским флотом. При этом выражение лица гостя как бы говорило: «Весь мир принадлежит блестящим молодым людям, подобным мне и Орлову».

«И все же ты почему-то не можешь обойтись без меня», – промелькнула мысль у графа.

– Не забудем также, – добавил Черчилль, – что Орлов к тому же племянник царя по линии своего отца, покойного великого князя, а для нас это еще важнее, ведь он один из немногих людей, помимо Распутина, которых царь любит и кому доверяет. Если среди высокопоставленных российских военных есть человек, способный склонить царя к сближению с нами, то это именно Орлов.

Теперь Уолден не мог не задать вопроса, не дававшего ему покоя:

– Хорошо, но какая роль отводится во всем этом лично мне?

– Я хочу сделать вас главой английской делегации на этих переговорах, чтобы вы передали мне Россию готовой на союз с нами, как блюдо на золоченом подносе.

«Этот тип не может обходиться без мелодраматических оборотов!» – подумал Уолден.

– Значит, ваш план состоит в том, чтобы мы с Алексом подготовили англо-российский военный договор?

– Именно так.

Уолден мгновенно оценил, насколько сложная, но интересная и благородная миссия была ему только что предложена. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выдать волнения и не начать в возбуждении мерить комнату шагами.

Черчилль же не унимался:

– Вы лично знакомы с царем. Вы знаете Россию и свободно говорите по-русски. По линии жены вы для Орлова – дядя. Однажды вам уже удалось уговорить царя встать на сторону Англии, а не Германии, когда в девятьсот шестом году предотвратили ратификацию договора на Бьорко⁴.

Черчилль сделал паузу.

– Должен признаться, – сказал он потом, – что вы не были у нас самой популярной кандидатурой на роль представителя Великобритании. Обстановка в Вестминстере сейчас такова...

– Да, догадываюсь, – перебил Уолден, не желавший вдаваться в подробности. – И все же что-то склонило чашу весов в мою пользу.

– Если быть кратким, вас выбрал сам царь. Кажется, вы – единственный англичанин, которому он хотя бы немного верит. И он прислал телеграмму своему кузену, его величеству королю Георгу Пятому с настоятельной просьбой, чтобы Орлов имел дело именно с вами.

⁴ Остров, ныне принадлежащий Швеции, где в 1905 году проходили переговоры о российско-германском соглашении.

Уолден легко мог себе представить недовольство в лагере радикалов, когда им объявили, что в их столь секретный план придется посвятить известного своей реакционностью старого пэра-консерватора.

– Как я догадываюсь, в вашей партии это многих повергло в ужас, – сказал он.

– Вовсе нет. В том, что касается вопросов внешней политики, наши взгляды не так уж разительно отличаются от ваших. А лично я всегда придерживался мнения, что разногласия по внутривнутриполитическим проблемам не причина для того, чтобы ваш дипломатический талант не мог пригодиться правительству его величества.

«Вот и пошла в ход лесть, – отметил про себя Уолден. – Я им нужен позарез». Но вслух спросил:

– Каким образом предполагается сохранить все в тайне?

– Визит Орлова будет обставлен как частный. Если вы не против, Орлов станет вашим гостем на все время лондонского сезона. Вы представите его нашему светскому обществу. Если не ошибаюсь, ваша дочь должна дебютировать в свете?

Он посмотрел на Лидию.

– Вы совершенно правы, – ответила она.

– Стало быть, вы так или иначе будете выезжать достаточно часто. Орлов же, как всем известно, холостяк, и притом весьма завидный жених. А значит, по миру распространится слух, что он ищет себе в Англии жену. И кто знает, быть может, даже найдет, а?

– Превосходная идея! – Уолден внезапно ощутил, что начал получать от разговора удовольствие. Ему доводилось играть роль теневого дипломата при консервативных кабинетах Солсбери и Бальфура, но в последние восемь лет полностью отстранился от участия в международной политической деятельности. Теперь же у него появлялась возможность выйти на авансцену, и им овладела ностальгия по знакомому делу – захватывающему и поглощавшему всю твою энергию: по покрову тайны, по тонкому мастерству игрока, необходимому при переговорах, по столкновению индивидуальностей, по необходимости порой осторожно убеждать, а временами и откровенно угрожать. Он еще помнил, насколько непросто вести дела с русскими – партнерами капризными, упрямыми и самонадеянными. Но Алекс будет управляем. Когда Уолден женился на Лидии, на свадьбе присутствовал ее десятилетний племянник в матросском костюмчике. Позднее, обучаясь два года в Оксфорде, Алекс не раз гостил в Уолден-Холле во время каникул. Отец мальчика умер, и потому Уолден уделял ему куда больше внимания, чем любому другому юноше, и в знак признательности был вознагражден дружеским расположением со стороны наделенного живым умом молодого человека.

Более благоприятной почвы для начала переговоров невозможно себе представить.

«Думаю, мне будет сопутствовать удача, – подумал Уолден. – А это станет победой, настоящим триумфом!»

– Если я правильно понял, вы готовы взяться за эту миссию? – спросил Черчилль.

– Разумеется, – подтвердил Уолден.

Лидия встала.

– Нет-нет, не стоит беспокоиться, – сказала она мужчинам, тоже поднявшимся из кресел. – Я оставляю вас обсуждать политические дела без меня. Не желаете ли отужинать с нами, мистер Черчилль?

– Увы, но мне еще предстоит деловая встреча в Лондоне.

– Тогда, с вашего позволения, я откланяюсь. – И она пожала ему руку.

Затем она вышла из «Октагона» – восьмиугольного зала, где семья обычно пила чай, прошла через большой вестибюль, еще один холл поменьше и оказалась в цветочной комнате. В тот же момент один из подручных главного садовника – она не знала его имени – вошел через дверь из сада с огромной охапкой тюльпанов, розовых и желтых, приготовлен-

ных к обеденному столу. Одной из наиболее привлекательных черт Англии в целом и Уолден-Холла в частности она всегда считала изобилие цветов. Для нее каждый день срезали свежие букеты утром и вечером, причем даже зимой, когда растения приносили из парников.

Поскольку цветочная комната считалась как бы продолжением сада, рабочий приветствовал ее лишь легким прикосновением к кепке — он не должен был снимать ее перед хозяйкой, если только она не заговаривала с ним, — положил цветы на мраморный столик и удалился. Лидия села и с удовольствием вдохнула свежий, налитанный ароматами воздух. Эта комната как нельзя лучше подходила, чтобы успокоиться, а разговор о Петербурге ее расстроил. Она тоже запомнила Алексея Андреевича застенчивым маленьким мальчиком на своей свадьбе, но тот день остался в памяти и как самый несчастный в ее жизни.

«Как странно было сделать своим святилищем именно цветочную комнату», — подумала она. В этом доме имелись комнаты для любой цели: они даже завтракали, обедали и ужинали в разных столовых; были помещения для игры на бильярде и хранения оружия; в специально отведенных местах стирали и гладили белье, варили джемы, чистили серебро, вывешивали охотничьи трофеи, держали вино, приводили в порядок костюмы... Только ее собственная часть дома состояла из спальни, гардеробной и гостиной. И все равно, когда ей хотелось покоя, она всегда приходила сюда, чтобы посидеть на жестком стуле, глядя на грубую каменную раковину умывальника и чугунные ножки мраморного столика. Но, как она заметила, у ее мужа тоже было свое заветное место: если Стивена что-то выводило из равновесия, он шел в оружейную комнату и читал книги об охоте.

Итак, Алекс станет ее гостем на весь лондонский сезон. Они будут говорить о доме, о снеге, о балете, но и взрывах бомб тоже. И при виде Алекса она не сможет не вспомнить о другом молодом русском. О том, за кого так и не вышла замуж.

Она не виделась с этим мужчиной девятнадцать лет, и все равно, стоило им сегодня в разговоре упомянуть о Санкт-Петербурге, как в памяти все ожило снова и ее кожа покрылась мурашками под тончайшим шелком надетого к чаю платья. Ему было девятнадцать, как и ей самой. Вечно голодный студент с длинными черными волосами, с лицом волка и глазами спаниеля. Он был тощим, как доска. При совершенно белой коже его тело покрывали мягкие темные волоски, нежные, словно юношеский пушок. А руки... У него были умные, чувственные руки. И сейчас она вдруг покраснела, но не от мыслей о его теле, а о своем, до сих пор выдававшем ее чувства, напоминавшем о пережитом наслаждении, сводившем с ума от желания и стыда. «Я была греховна, — думала она, — но я греховной и осталась, потому что больше всего на свете хотела бы повторить это».

Лидия виновато вспомнила о муже. Она едва ли вообще когда-либо думала о нем, не чувствуя своей вины. Она не любила его, выходя замуж, но научилась любить сейчас. Он обладал стальной волей, но добрым сердцем, а ее просто боготворил. Впрочем, его обожание оставалось хотя и непрерывным, но сдержанным и неназойливым. В нем начисто отсутствовала та отчаянная страсть, которую она познала когда-то. Ей казалось, что он мог быть счастлив с ней только потому, что не догадывался, насколько дикой и безудержной может быть настоящая любовь.

«Но ведь и я больше не стремлюсь к такой любви, — убеждала она сама себя. — Я долго привыкала обходиться без нее, и с годами это становилось все легче. Так и должно быть — мне уже скоро сорок!»

Некоторые из ее подруг все еще подвергались искушениям, и кое-кто по-прежнему поддавался им. Разумеется, они никогда не рассказывали ей о своих интрижках, подспудно понимая, что она едва ли их одобрит. Но зато каждая охотно делилась сплетнями о других, и Лидия знала, что на некоторых вечеринках в загородных домах частенько зарождались... внебрачные отношения, скажем так. Однажды леди Джирард сказала Лидии снисходительным тоном опытной светской львицы, дающей совет молодой хозяйке дома:

– Дорогая моя, если вы пригласили к себе погостить в одно и то же время виконтессу и Чарли Скотта, то просто обязаны поместить их в соседние спальни.

Лидия поместила их в комнаты, находившиеся в противоположных концах дома, и виконтесса с тех пор больше ни разу не приняла приглашения посетить Уолден-Холл.

Молва приписывала вину за подобный разгул аморальности покойному королю, но Лидия не верила этому. Он и вправду заводил подруг среди евреек и певиц, но это еще не означало, что он с ними распутничал. Он дважды гостил в Уолден-Холле – один раз еще будучи принцем Уэльским, а потом уже королем Эдуардом VII, – и его поведение неизменно оставалось безупречным.

«Интересно, – думала она, – почтит ли нас когда-нибудь визитом новый король?» Конечно, принимать у себя монарха – огромная ответственность, но и не меньшее удовольствие сделать так, чтобы их дом выглядел как никогда красивым, подавать к столу самые изысканные блюда, какие только могло нарисовать воображение, и сшить двенадцать новых платьев ради всего лишь двух дней в конце недели. И если король к ним пожалует, он может даровать Уолденам вожделенное право специального доступа в Букингемский дворец в дни больших праздников через садовые ворота, чтобы они могли избегать ожидания в очереди из сотен карет, выстраивавшихся вдоль Мэлл⁵.

Потом ее мысли перескочили на гостей, приехавших к ним в этот уик-энд. Джордж приходился Стивену младшим братом и, обладая схожим обаянием, был начисто лишен серьезности Стивена. Его дочери Белинде исполнилось восемнадцать, как и Шарлотте. Обеим девушкам предстоял в этом сезоне светский дебют. Мать Белинды умерла несколько лет назад, и Джордж женился снова, причем довольно поспешно. Его вторая жена Кларисса, будучи намного моложе его, обладала живым и непоседливым характером. Она подарила ему двоих сыновей-близнецов. И одному из них предстояло унаследовать Уолден-Холл, если только Лидия не сможет родить мальчика, пусть и довольно поздно. «Я могла бы, – думала она, – я еще вполне способна на это». Но зачать никак не удавалось.

Приближалось время готовиться к ужину. Лидия вздохнула. Она ощущала себя вполне комфортно в платье, которое надела к чаю, и с волосами, расчесанными довольно-таки небрежно. Но теперь предстояло затянуться в корсет, а одной из горничных соорудить ей на голове высокую прическу. Она слышала, что сейчас многие молодые девушки наотрез отказывались носить корсеты. «Это хорошо, – размышляла она, – если твоя фигура от природы напоминает очертаниями восьмерку». А сама она была излишне худа не там, где нужно.

Лидия встала и вышла наружу. Помощник садовника, стоя у розового куста, разговаривал с одной из горничных. Лидия ее узнала. Это была Энни, хорошенькая, полнотелая, но пустоголовая девушка с вечной улыбкой до ушей. Она стояла, сунув руки в карманы своего фартучка, подставив круглое лицо солнцу и смеясь в ответ на слова рабочего. «Вот вам, пожалуйста, девушка, которой корсет совершенно ни к чему», – подумала Лидия. На Энни сегодня была возложена обязанность присматривать за Шарлоттой и Белиндой, поскольку гувернантка взяла выходной.

– Энни! – обратилась к ней хозяйка довольно резко. – Где наши молодые леди?

Улыбка пропала с лица горничной, и она присела в книксене.

– Никак не могу их найти, миледи.

Помощник садовника постарался тихо улизнуть.

– Мне кажется, ты не слишком усердно их ищешь, – заметила Лидия. – Немедленно займись этим.

⁵ Улица в лондонском районе Вестминстер, связывающая Букингемский дворец с Трафальгарской площадью; проложена в начале XX века специально для торжественных церемоний с участием британских монархов.

– Слушаюсь, миледи. – И Энни проворно направилась в сторону заднего двора. Лидия снова вздохнула. Девушек, конечно же, там нет, но не звать же горничную назад для нового выговора?

И она пошла через лужайку, стараясь думать о вещах знакомых и приятных, чтобы спрятать подальше мысли о Петербурге. Отец Стивена, седьмой граф Уолден, распорядился когда-то посадить в западной части парка рододендроны и азалии. Лидии не довелось встречать старика, умершего до ее знакомства со Стивеном, но, судя по историям о нем, это был один из величайших столпов викторианского общества. И сейчас посаженные им растения расцвели во всем славном великолепии, сияя яркими, совсем не викторианскими красками. «Нужно заказать хорошему художнику пейзаж с домом, – подумала она. – В последний раз его писали, когда деревья в саду еще не успели достигнуть зрелости».

Она оглянулась на Уолден-Холл. Серый камень южной стороны выглядел красиво и величественно под послеполуденным солнцем. По центру виднелся южный портал с отдельным входом. Дальше, в восточном крыле, располагались гостиная и несколько столовых, а позади них тянулись разного рода подсобные помещения: кухни, кладовки, прачечная, уходившие вдаль до самой конюшни. Ближе к ней, на западной стороне, находилась комната для утреннего чая, «Октагон», а в углу – библиотека. На западной стороне были устроены бильярдная, оружейная, ее любимая цветочная комната, курительная и контора управляющего именем. Хозяйские спальни второго этажа почти все выходили окнами на юг, основные спальни для гостей смотрели на запад, а комнаты прислуги, пристроенные над кухней, были ей сейчас не видны. Поверх второго этажа высилось абсолютно нереальное смешение башен, башенок и чердачных окошек. Фасад же представлял собой все буйство фантазии в лучших традициях викторианского рококо с каменными цветами и узорами, скульптурными мотками корабельных канатов, драконами, львами и амурами, с балконами и выступами, с пазами для установки флагов, солнечными часами и горгульями. Лидия обожала этот дом и была признательна Стивену за то, что в отличие от многих других отпрысков аристократических семейств он мог себе позволить содержать его в образцовом порядке.

Она заметила, как Шарлотта и Белинда вышли из-за кустов по другую сторону лужайки. Энни их, разумеется, так и не нашла. На девушках были широкополые шляпы и цветастые летние платьица, но при этом черные школьные чулки и черные же туфли на низком каблуке. Поскольку Шарлотте вскоре предстоял первый выход в свет, Лидия иногда позволяла ей делать сложные прически и нарядно одеваться к ужину, но по большей части по-прежнему обращалась как с ребенком, кем дочь в ее глазах и оставалась, а мать не находила ничего хорошего в чересчур быстром взрослении детей. Кузины были полностью поглощены разговором, и Лидия подумала: «Интересно было бы узнать, что их так занимает?» О чем она сама разговаривала с подругами в восемнадцать лет? – задалась она вопросом, сразу же вспомнила юношу с мягкими волосами и нежными руками, и мысль осталась только одна: «Боже, пусть это навсегда пребудет моей тайной!»

– Как ты считаешь, мы и в самом деле будем чувствовать себя по-другому, когда начнем выезжать? – спросила Белинда.

Шарлотта уже не раз задумывалась об этом и потому сразу ответила:

– Лично я – нет.

– Но мы же станем взрослыми!

– Не понимаю, как все эти приемы, балы и пикники могут помочь человеку повзрослеть.

– Нам придется носить корсеты.

Тут Шарлотта хихикнула:

– А ты его хоть раз пробовала?

- Нет, а ты?
- Я свой примерила на прошлой неделе.
- Ну и как ощущения?
- Ужасные. Совершенно невозможно ходить прямо.
- А как ты выглядела?

Шарлотта описала руками полукруг, обозначая огромный бюст. Обе покатались со смеху. Но в этот момент Шарлотта заметила в отдалении свою матушку и сделала серьезное лицо в ожидании упреков, однако маму явно занимало что-то другое – она лишь чуть заметно улыбнулась девушкам и отвела взгляд в сторону.

– И все равно это будет весело, – сказала Белинда.

– Ты имеешь в виду сезон? Наверное... – с сомнением отозвалась подруга. – Вот только какой во всем этом смысл?

– Встретить подходящего тебе молодого человека, само собой.

– То есть искать будущего мужа?

Они дошли до возвышавшегося посреди лужайки мощного дуба, и Белинда, несколько помрачнев, с размаху плюхнулась на скамейку под тенистым деревом.

– Я вижу, ты действительно считаешь выезды в свет глупейшим занятием, не так ли? – спросила она.

Шарлотта села рядом и поверх ровной травы оглядела южный фронтон Уолден-Холла. Расположенные с этой стороны высокие готические окна отражали клонившееся к закату солнце. Отсюда казалось, что дом спланирован внутри рационально и прямолинейно, тогда как в действительности представлял собой очаровательную неразбериху интерьеров.

– Глупо на самом деле то, что нас заставили так долго ждать этого, – проговорила она. – Абсолютно не могу сказать про себя, будто мне так уж не терпится начать танцевать на балах, доставлять свои визитные карточки незнакомым мне людям и встречаться с молодыми мужчинами – я, вероятно, вполне могла бы вообще обойтись без всего этого, – но меня бесит, что со мной до сих пор обращаются как с несмышленной малышкой. Терпеть не могу ужинать в компании Марии. Она до крайности невежественна или просто притворяется. По крайней мере, когда сидишь в общей столовой, слышишь интересные разговоры. Папа рассказывает прелюбопытные истории. А все, что предлагает Мария, когда мне становится скучно, – это сыграть в карты. Но я уже не хочу ни во что играть. Любыми играми с детства сыта по горло.

Она вздохнула. Разговор пока только расстраивал. Она посмотрела на безмятежно спокойное веснушчатое лицо Белинды, увенчанное рыжими кудряшками. У самой Шарлотты лицо имело овальную форму с чуть великоватым прямым носом и волевым подбородком, а волосы были темными и очень густыми. «Везет же Белинде! – подумала она. – Ничто ее не беспокоит. Ничто не вызывает по-настоящему сильных эмоций».

Шарлотта тронула подругу за руку.

– Извини, что наговорила тебе всего этого.

– Ничего страшного, – снисходительно улыбнулась Белинда. – Меня просто всегда поражает твоя способность сердиться на то, чего ты не в силах изменить. Помнишь, как однажды ты решила, что хочешь непременно учиться в Итоне⁶.

– Не было такого!

– А вот и было. Ты устроила страшный переполох. «Если мой папа получил образование в Итоне, – говорила ты, – то почему мне это запрещено?»

У Шарлотты этот эпизод совершенно изгладился из памяти, но звучало очень похоже на то, какой она была в десятилетнем возрасте.

⁶ Привилегированная частная школа, куда до недавнего времени принимали исключительно мальчиков.

– Но разве ты сама ни разу не думала, что твоя жизнь может быть иной? Что ты вовсе не обречена на участие в этом лондонском сезоне, на непременно обручение с кем-то, а потом на замужество? – спросила она.

– Конечно, можно закатить такой скандал, что всей семье придется навсегда уехать куда-нибудь в Родезию.

– Жаль, я понятия не имею, как такие скандалы устраивают.

– Я тоже.

Какое-то время обе молчали. Иногда Шарлотта жалела, что не родилась такой же пассивной, как Белинда. Жить стало бы куда проще, но в то же время намного скучнее.

– Однажды я спросила Марию, что буду делать, когда выйду замуж, – сказала она. – Знаешь, что она мне ответила?

Шарлотта изобразила шепелявый русский акцент своей гувернантки:

– «Делать? Что за вопрос, дитя мое? Тебе не придется делать ничего».

– Да, действительно глупый ответ, – кивнула Белинда.

– Разве? Сама подумай, чем заняты наши матушки – твоя и моя?

– Они просто принадлежат к высшему обществу. Посещают приемы, совершают визиты к подругам в загородные дома, ходят в оперу и...

– Это и имеется в виду – они не делают ничего!

– Но у них есть дети.

– Ага! Ты затронула занятную тему. Они окутали рождение детей такой тайной.

– Просто из-за того, что это... вульгарно.

– Почему? Что в этом такого вульгарного? – Шарлотта заметила, что начинает горячиться. Мария же постоянно повторяла, что горячность светской леди не к лицу.

Она вдохнула поглубже и понизила голос.

– И тебе, и мне, нам обоим, предстоит завести детей. Так не думаешь ли ты, что им самое время рассказать нам, как это происходит? А вместо этого они пичкают нас знаниями о Моцарте, Шекспире и Леонардо да Винчи.

Белинда выглядела смущенной, но и заинтригованной. «Она испытывает по этому поводу те же чувства, что и я, – подумала Шарлотта. – Интересно, многое ли ей известно?»

– Ты хоть знаешь, что ребенок вырастет внутри тебя? – спросила Шарлотта.

Белинда закивала и выпалила:

– Да, но с чего это все начинается?

– О, я думаю, это просто происходит само собой, когда тебе исполняется двадцать один год или около того. Вот почему нас, на самом деле, заставляют дебютировать в обществе. Чтобы к тому времени, когда пойдут дети, у нас уже были законные мужья.

Впрочем, Шарлотта сказала все это без особой уверенности и потому добавила:

– Мне так кажется.

– А как они выбираются наружу? – спросила Белинда.

– Понятия не имею. А они большие?

Белинда развела ладони фута на два в стороны.

– Близнецы были примерно такими через день после рождения.

Она подумала и немного свела руки.

– Ну, может, вот такими.

– Когда курица откладывает яйцо, – сказала Шарлотта, – оно вылезает из нее... сзади.

Она избегала встречаться с Белиндой глазами. Так откровенно она еще ни с кем не разговаривала.

– Яйцо тоже кажется слишком большим, но все-таки выходит наружу.

Белинда склонилась к подруге и заговорила еще тише:

– А я однажды видела, как Дейзи отелилась. Это корова джерсийской породы с нашей фермы. Скотоводы и не подозревали, что я все вижу. Они так это и называли: «отелилась».

Шарлотта чрезвычайно заинтересовалась:

– И как это происходило?

– Ужасно. У нее словно открылся живот, а потом было много крови и еще всякого... – Белинду передернуло.

– Меня все это сильно пугает, – призналась Шарлотта. – Я очень боюсь, что у меня это начнется, а я так ничего и не буду знать. Ну почему с нами никто не говорит?

– Нам и самим не следует говорить о таких вещах.

– Неправда! Мы, черт побери, имеем полное право обсуждать их!

Белинда охнула.

– А сквернословить уж и совсем ни к чему!

– Мне все равно.

Шарлотту выводила из себя невозможность все выяснить: не к кому обратиться, негде даже прочитать... И тут ее осенило.

– В нашей библиотеке есть запертый шкаф. Готова поспорить, что там-то и хранятся книжки на эту тему. Давай их посмотрим?

– Но если шкаф заперт...

– Я знаю, где лежит ключ. Уже сто лет назад узнала.

– Но будут большие неприятности, если нас поймают.

– Сейчас все передеваются к ужину – превосходная возможность, – сказала Шарлотта, поднимаясь.

Белинда все еще колебалась.

– Нам сильно достанется.

– Ну и пусть. В общем, я отправляюсь, чтобы заглянуть в запертый ящик. Можешь пойти со мной, если хочешь.

Шарлотта повернулась и направилась к дому. Спустя всего секунду рядом с ней уже семенила Белинда, что не стало для Шарлотты сюрпризом.

Они прошли под колоннадой портика при входе и оказались в прохладном и обширном вестибюле. Повернув налево, они проскользнули мимо комнаты для утренних чаепитий и «Октагона» и вошли в библиотеку. Как ни убеждала себя Шарлотта, что уже взрослая и имеет право все знать, сейчас она почувствовала себя маленькой озорницей.

Библиотека была ее любимой комнатой. Она располагалась в углу дома, и через три больших окна сюда попадало много света. Несмотря на преклонный возраст старых, обитых кожей кресел, сиделось в них на удивление удобно. Зимой в библиотеке целый день пылал камин, а на полках, помимо двух или трех тысяч томов, лежали настольные игры и головоломки. Некоторые из книг были совсем древними и хранились еще со времен постройки дома, но и новинок насчитывалось немало, потому что мама любила романы, а интересы отца распространялись очень широко – он читал труды по химии, сельскому хозяйству, астрономии, отчеты о путешествиях и трактаты по истории. Шарлотта всегда предпочитала приходить сюда в те дни, когда Мария брала выходной и не могла отнять у нее «взрослую» книгу, заменив ее каким-нибудь детским вздором об утятах и цыплятах. Иногда тут же располагался отец, усевшись за массивный, как пьедестал, викторианский письменный стол и листая каталог сельскохозяйственной техники или финансовые отчеты американских железнодорожных компаний, но он никогда не мешал дочери читать то, что ей хотелось.

Сейчас библиотека пустовала. Шарлотта направилась прямо к письменному столу, выдвинула небольшой квадратный ящик из одной его тумбы и достала ключ.

У стены рядом со столом стояли три шкафчика. В одном из них лежали настольные игры, во втором стояли картонные коробки с писчей бумагой и конвертами, помечен-

ными гербом Уолденов. Третий был под замком. Шарлотта воспользовалась ключом, чтобы открыть его.

Внутри обнаружили двадцать или тридцать книг и кипы старых журналов. Шарлотта бегло пролистала несколько журналов, называвшихся «Жемчужина», что звучало не слишком многообещающе. Потом, уже в спешке, она схватила наугад две книги, даже не взглянув на названия. Закрыла и заперла шкаф, а ключ вернула на место.

– Вот! – воскликнула она торжествующе.

– А где нам лучше их просмотреть? – шепотом спросила Белинда.

– Помнишь, я рассказывала тебе о своем укрытии?

– Ах, ну конечно!

– Почему ты говоришь шепотом?

Они дружно захихикали.

Шарлотта уже подошла к двери, когда из вестибюля донесся голос:

– Леди Шарлотта... Леди Шарлотта, где же вы?

– Это Энни. Ей поручили нас разыскать, – сказала Шарлотта. – Она добрая девушка, но немножко туповата. Мы выйдем другим путем, быстро!

Она пересекла библиотеку, откуда дверь вела сначала в бильярдную, а потом и в оружейную комнату, но там кто-то уже был. Она остановилась на мгновение и прислушалась.

– Это мой папа, – испуганно прошептала Белинда. – Он водил на прогулку собак.

К счастью, из бильярдной через два высоких французских окна можно было попасть на западную террасу. Подруги выбрались наружу и осторожно прикрыли за собой створки. Солнце уже опустилось совсем низко, и теперь от его красноватых лучей деревья отбрасывали длинные тени через всю лужайку.

– Как же мы снова попадем внутрь? – спросила Белинда.

– Через крышу. За мной, не отставай!

Шарлотта миновала задний двор дома, огород при кухне и оказалась у конюшни. Она сунула книги за лиф платья и плотнее затянула пояс, чтобы те случайно не выпали.

От угла конного двора, легко найдя опору для ног, они взобрались на крышу комнат для прислуги. Затем Шарлотта встала на стальной люк, открывавшийся внутрь склада, где хранились дрова, а с него, чуть подтянувшись, ступила на железную крышу пристройки для садовых инструментов. Пристройка же стояла вплотную к прачечной, на черепичную кровлю которой девушка попала, привстав на цыпочки и с небольшим усилием перебросив наверх ногу. Обернувшись, она убедилась, что Белинда следует за ней по пятам.

Лежа на покатой черепице, Шарлотта поползла вверх, цепляясь за края руками и отталкиваясь носками туфель, пока крыша прачечной не уперлась в стену дома.

Задышавшись, рядом присела Белинда.

– Как все это опасно!

– Брось, я здесь играю с тех пор, как мне исполнилось девять.

Прямо над ними располагалось мансардного типа окно спальни, которую делили две горничные. Чтобы попасть на крышу дома, этого высокого окна никак не миновать. Шарлотта приподнялась и заглянула внутрь комнаты, где никого не оказалось. Тогда она смело встала во весь рост на подоконник и, ухватившись за раму, перенесла на изразцовую крышу сначала одну, а затем и вторую ногу. Потом повернулась и помогла Белинде повторить свой маневр.

Они ненадолго задержались, чтобы отдышаться. Шарлотта вспомнила, что, судя по рассказам, общая площадь крыши Уолден-Холла составляла четыре акра. В такое трудно было поверить, если самой не оказаться здесь, где запросто можно заблудиться среди проходов и перегородок. Зато отсюда уже не составляло труда добраться до любой точки на крыше по лестницам, мосткам и туннелям, которые специально соорудили для рабочих, приезжав-

ших каждую весну, чтобы прочистить трубы и водостоки, покрасить металлические части и заменить сломанные непогодой за зиму изразцовые плитки.

Шарлотта встала.

– Пойдем. Больше никаких сложностей.

По небольшой лестнице они поднялись на верхний ярус крыши, миновали короткий проход, а потом по другой лестнице с узкими деревянными ступенями попали к маленькой квадратной двери, врезанной в стену. Шарлотта отодвинула засов, вползла внутрь и оказалась в убежище.

Это была очень тесная комнатуха с покатым потолком и без окон. Если не соблюдать осторожность, от грубых дощатых полов можно было легко подцепить занозу. Вероятно, давным-давно здесь тоже была какая-то кладовка, теперь надежно всеми забытая. Дверь в противоположной стене открывалась в стенной шкаф детской, заброшенной уже много лет. Шарлотта обнаружила это укромное местечко совсем ребенком и по временам использовала его в любимой игре. Кажется, она играла в нее всю сознательную жизнь – в эту игру под названием «спрячься от взрослых». По полу она разбросала подушки, а в стеклянных банках закрепила свечи, заранее заготовив коробок со спичками. На одной из подушек возлежала потрепанная плюшевая собака, поселившаяся здесь лет восемь назад, когда гувернантка Мария пригрозила выкинуть ее на помойку. На приземистом столике стояла треснувшая старая ваза, из которой торчали цветные карандаши, а рядом лежал бювар из красной кожи. Время от времени в Уолден-Холле проводилась инвентаризация, и Шарлотта только посмеивалась про себя, слыша, как экономка миссис Брейтуэйт жалуется на недостачу самых странных, казалось бы, вещей.

Белинда тоже вползла внутрь, и Шарлотта зажгла свечи. Потом достала книжки и просмотрела титульные листы. Одна называлась «Медицина для дома», вторая – «Жар похоти». Первая показалась ей более полезной. Она села на подушку и открыла ее. Белинда все еще с виноватым видом пристроилась рядом. А Шарлотта лелеяла надежду, что перед ней сейчас откроется тайна зарождения новой жизни.

Она переворачивала страницу за страницей. В книге до мельчайших подробностей описывались лечение ревматизма, кори и методы накладки шин при переломах, но, как только дело дошло до появления на свет детей, все вдруг стало до крайности запутанным. Говорилось о каких-то непонятных потугах, отходе вод и пуповине, которую следовало сначала перевязать в двух местах, а потом перерезать ножницами, предварительно опущенными в кипящую воду. Глава явно предназначалась для людей, которым этот вопрос и так был уже хорошо знаком. Она сопровождалась рисунком обнаженной женщины. Причем Шарлотта сразу заметила, но от смущения не поделилась открытием с Белиндой, что у женщины на рисунке совершенно отсутствовали волосы в одном из мест, где у самой Шарлотты их росло довольно много. Присутствовала также диаграмма расположения младенца внутри тела женщины, но и тут нельзя было понять, каким образом он может оказаться снаружи.

– Похоже, докторам приходится разрезать живот, – предположила Белинда.

– А как же это делалось в доисторические времена, когда никаких врачей еще не было? – спросила Шарлотта. – В общем, эта книжка никуда не годится.

Она открыла наугад вторую и вслух прочитала первый попавшийся на глаза абзац:

– «Сладострастно медленно она опустилась так, чтобы его крепкий ствол полностью погрузился в нее, а потом принялась плавно, продлевая наслаждение, раскачиваться взад и вперед».

Шарлотта наморщила лоб и посмотрела на подругу.

– А это вообще чепуха какая-то! – сказала Белинда.

Максим Петровский ждал в вагоне отправления поезда от станции в Дувре. В купе было холодно, но он сидел совершенно неподвижно. Снаружи уже стемнело, и в стекле он мог видеть свое отражение: высокорослого мужчину с аккуратными усами, одетого в черное пальто и шляпу-котелок. Багажную полку над его головой занимал небольшой чемодан. Он вполне мог сойти за торгового представителя швейцарской часовой фирмы, но любой приглядевшийся внимательнее заметил бы, что пальто дешевое, чемодан картонный, а лицо явно не принадлежит человеку, продающему часы.

Думал он сейчас об Англии. Ему еще памятли были времена, когда по молодости лет он считал британскую конституционную монархию идеальной формой государственного устройства. Сейчас эта мысль позабавила его, и на плоском белом лице, отражавшемся в окне, появилась тень улыбки. С тех пор его взгляды на идеальный способ управления государством радикально изменились.

Поезд тронулся, и уже через несколько минут при свете восходящего солнца Максим любовался садами и полями хмеля в Кенте. Он все еще не переставал удивляться, как красива Европа. Впервые увидев ее, он испытал глубокое потрясение, поскольку, подобно любому русскому крестьянину, даже не представлял, что мир может выглядеть вот так. Он вспомнил, что тогда тоже ехал в поезде. Преодолев сотни миль по малонаселенным северо-западным губерниям России с их чахлой растительностью и нищими деревеньками, тонувшими в снегу зимой и утопавшими в непролазной грязи летом, он однажды утром проснулся уже в Германии. И глядя на покрытые ровной зеленью поля, мощеные дороги, аккуратные домики ухоженных деревень и цветочные клумбы на залитых солнцем станционных платформах, подумал, что попал в рай. Позже, уже в Швейцарии, он сидел на открытой веранде небольшого отеля под теплыми лучами солнца, наслаждаясь видами покрытых снегом горных вершин, пил кофе со свежими хрустящими булочками и не мог избавиться от мысли, как же счастливо здесь должны жить люди!

Вот и сейчас, наблюдая за оживающими ранним утром английскими фермами, он вспоминал свою родную деревню – серое, вечно клубящееся облаками небо, пронизывающий ветер, замерзшие болотистые луга с ледяными лужами и побитой морозами жесткой травой; а потом самого себя в изодранной полотняной рубаше, с замерзшими до онемения ногами в войлочных сапогах на деревянной подошве и идущего рядом отца в тонкой рясе нищего сельского попа, до хрипоты настаивавшего, что Бог милостив. Его отец любил русских людей, поскольку считал, что Бог любит их. А для Максима всегда было совершенно очевидно, что Бог людей ненавидит, иначе не обходился бы с ними так жестоко.

Именно со споров с отцом начался длинный путь, приведший Максима от христианства через социализм в ряды террористического крыла анархистов; а потом из Тамбовской губернии через Санкт-Петербург и Сибирь – в Женеву. А в Женеве им было принято решение, благодаря которому он и прибыл сейчас в Англию. Он хорошо помнил ту встречу. Хотя едва не пропустил ее...

Он едва не пропустил собрание, потому что ему пришлось добираться из Кракова, где он вел переговоры с польскими евреями, занимавшимися нелегальной доставкой в Центральную Россию журнала «Восстание». Поэтому в Женеву он приехал уже с наступлением темноты и напрямик отправился на окраину города, где располагалась крошечная типография Ульриха. Как раз заседал редакционный совет – четверо мужчин и две девушки, собравшиеся вокруг стола со свечой, стоявшего позади сверкавшего металлом печатного станка, дыша воздухом, пропитанным типографской краской и машинным маслом, обсуждали планы революции в России.

Ульрих быстро посвятил Максима в детали происходившего. Он встречался с Жозефом, платным агентом царской охранки в Швейцарии, который втайне симпатизировал рево-

люционерам и снабжал российские власти за их деньги совершенно ложной информацией. Порой для правдоподобия анархисты подкидывали ему реальные, но не имевшие особого значения сведения, а взамен Жозеф держал их в курсе действий охранного отделения.

На этот раз новости от Жозефа оказались действительно сенсационными.

– Царь стремится заключить военный союз с англичанами, – сказал Ульрих Максиму. – С этой целью он отправляет в Лондон князя Орлова. В охранке хорошо осведомлены обо всем, потому что им поручено обеспечить безопасный проезд князя через Европу к месту назначения.

Максим сдернул с головы шляпу и сел, размышляя, насколько достоверна может быть эта информация. Одна из девушек – русская с грустным лицом и в сильно поношенном платье – принесла ему стакан с чаем. Максим достал из кармана сероватый кусок сахара и стал пить чай в типичной для русских манере – вприкуску.

– Самое важное во всем этом, – продолжал говорить Ульрих, – состоит в том, что если Англия развяжет затем войну с Германией, они заставят Россию сражаться за их интересы.

Максим кивнул.

– И полягут на этой войне не князья и графы, – сердито сказала русская девушка, – а наши простые мужики.

«Она права, – подумал Максим. – Воевать пойдут крестьяне». Среди них он провел большую часть своей жизни. Это были в массе своей грубые, жесткие и достаточно узколобые люди, но свойственная им бездумная щедрость и порой неожиданные вспышки простоватого, но искреннего юмора показывали, каким этот народ мог бы стать при нормальном общественном устройстве. Их интересы сводились к погоде, уходу за домашним скотом, борьбе с болезнями, собственным детишкам да к способам обмануть землевладельца. Несколько лет, будучи еще молодыми, они оставались трудолюбивыми и честными, умели смеяться и даже флиртовать, но жизнь вскоре сгибала их спины, делала серыми, угрюмыми и медлительными во всем. А теперь князь Орлов собирался забрить самых молодых и полных сил в солдаты, чтобы отправить на фронт под вражеские пушки, которые разорвут их тела в клочья или изуродуют до конца жизни. И все это, несомненно, будет объяснено стремлением к высшему государственному благу и выполнению международных обязательств страны.

Именно такая политика российского руководства и привела Максима в лагерь анархистов.

– Как нам следует поступить в данных обстоятельствах? – обратился к присутствующим Ульрих.

– Необходимо, чтобы эта новость появилась на первой полосе «Восстания», – сказала неряшливо одетая девушка.

И они начали обсуждать наилучший способ публикации редакционной статьи. Максим слушал не слишком внимательно. Журналистика мало интересовала его, и хотя он принимал участие в распространении газеты и писал инструкции по изготовлению бомб, это никогда не приносило ему удовлетворения. Он стал замечать, что жизнь в Женеве и его сделала чересчур цивилизованным. Он пил пиво вместо водки, носил воротнички и галстуки, ходил слушать симфоническую музыку. У него даже была работа в книжном магазине. А тем временем Россия бурлила. Казаки только что подавили выступление нефтяников, российский парламент – Дума – оставался чисто номинальным органом власти, одновременно бастовали свыше миллиона рабочих. Царь Николай II проявил себя столь некомпетентным и авторитарным правителем, что его могла терпеть только развращенная и загнивающая аристократическая верхушка. Страна превратилась в настоящую пороховую бочку, способную взорваться от малейшей искры, и Максим мечтал стать как раз такой искрой. Но возвращаться на родину сейчас было смерти подобно. Сталин вернулся, но не успел ступить на

родную землю, как его схватили и сослали в Сибирь. Тайная полиция, казалось, знала о революционерах в эмиграции больше, чем о тех, кто еще оставался в России. И Максима все сильнее выводили из себя жесткие воротнички, модные туфли, а главное – обстоятельства, в которых он оказался.

Он оглядел маленькую группу товарищей-анархистов. Печатник Ульрих – седовласый интеллектual в вечно запятнанном краской фартуке, не только снабжавший Максима книгами Прудона и Кропоткина, но способный и к активным действиям, – однажды вместе с Максимом участвовал в налете на банк. Ольга – та самая девушка из России, – как ему казалось, начала в него влюбляться, пока не увидела своими глазами, как он сломал руку полицейскому, после чего он внушал ей скорее страх, чем нежность. Еще здесь были Вера – любвеобильная поэтесса; Евно – студент-философ, любивший рассуждать об очищающей волне крови и пламени; Ганс – часовщик, который разбирался в душах людей так, словно видел их под увеличительным стеклом, как механизмы часов; Петр – деклассированный граф, писавший блестящие статьи по экономике и вдохновенные передовицы с призывами к революции. Искренние, трудолюбивые и весьма умные люди. Максим понимал всю важность их работы, поскольку, бывая в России, наблюдал, с каким нетерпением ждали там их нелегальных изданий, как передавали номера газет и памфлеты из рук в руки, зачитывая буквально до дыр. И все же этого было недостаточно. Потому что экономические трактаты не защищали от пуль полиции, а самые пламенные воззвания не помогали пускать «красного петуха» по дворянским поместьям.

– Эта новость заслуживает значительно более широкого освещения, чем заголовок на первой полосе «Восстания», – говорил между тем Ульрих. – Нам необходимо до каждого простого мужика донести весть, что граф Орлов собирается отправить его на бессмысленную и кровавую бойню в чуждых ему интересах.

– Главное, чтобы нам поверили, – сказала Ольга.

– Главное, чтобы информация оказалась достоверной, – возразил Максим.

– У нас есть возможность ее проверить, – заверил Ульрих. – Наши товарищи в Лондоне могут узнать, действительно ли Орлов прибывает в Англию в указанные сроки и намечены ли у него встречи с людьми, уполномоченными вести переговоры.

– Но разоблачить этот план, предав огласке, слишком мало, – горячо вмешался в разговор Евно. – Нам надо помешать его осуществлению!

– Каким образом? – спросил Ульрих, глядя на молодого еврея поверх очков в проволочной оправе.

– Мы обязаны призвать к устранению Орлова. Он – предатель интересов своего народа и должен быть казнен.

– И это положит конец переговорам?

– По всей вероятности, да, – сказал Петр. – Особенно если убийцей станет анархист. Помните, что Англия с готовностью предоставляет нашим анархистам политическое убежище, чем приводит в ярость царя. И если российский князь будет убит в Англии одним из наших товарищей, царь, по всей вероятности, прекратит дальнейшие переговоры.

– А какой материал для своей газеты получим мы! – восторженно воскликнул Евно. – Мы решительно заявим, что казнили Орлова за предательство национальных интересов.

– И сообщения об этом облетят газеты всего мира, – кивнул Ульрих.

– И подумайте, какой эффект это произведет на родине. Всем известно, как в народе относятся к призыву на войну – для крестьян это смертный приговор. Они устраивают погромы вместо торжественных проводов молодых рекрутов. Если станет известно, что царь готовится втянуть страну в мировую войну, реки выйдут из берегов от крови тиранов...

«Он прав, – подумал Максим. – Пусть выражается, как всегда, излишне вычурно, на этот раз он прав».

– Но мне кажется, ты оторвался от реальности, Евно, – заметил на это Ульрих. – Орлов будет выполнять секретную миссию и не станет разъезжать по Лондону в открытом экипаже, приветствуя толпы зевак. Кроме того, я хорошо знаю наших лондонских товарищей. Им никогда не приходилось убивать, и я не вижу, как они смогут справиться с этой казнью.

– Это сделаю я, – сказал вдруг Максим. Все повернули голову в его сторону, и тени заиграли на лицах от заколебавшегося пламени свечи.

– Я знаю способ совершить казнь. – Его голос казался сейчас странным ему самому – словно перехватило горло. – Я отправлюсь в Лондон и убью Орлова.

В комнате наступила полная тишина: каждый почувствовал, что абстрактные разговоры о смерти и разрушении вдруг обрели конкретные очертания. На Максима смотрели с изумлением все, кроме Ульриха, который понимающе улыбался с таким выражением, будто с самого начала был готов к подобному повороту событий.

Глава вторая

Лондон предстал перед ним невероятно богатым городом. Максиму, конечно же, доводилось сталкиваться с показной роскошью в России, и он видел, насколько процветающей выглядит Европа. Но не до такой степени. Здесь никто не ходил в обносках. Более того, хотя стояла вполне ясная погода, почти каждый носил плотную и теплую одежду. Максим встречал извозчиков, уличных торговцев и уборщиков, рабочих и мальчишек-посыльных — и на всех был добротный, фабричной выделки костюм без прорех и заплат. Дети ходили в обуви. А головы женщин украшали шляпы. И какие это были шляпы! В большинстве своем широкополые, размером чуть ли не с колесо телеги, они несли на себе разнообразнейшие украшения в виде лент, перьев, цветов и даже фруктов. Улицы полнились жизнью. В первые же пять минут он увидел столько автомобилей, сколько не встречал за всю свою жизнь. Ему даже показалось, что машин здесь больше, чем повозок с запряженными в них лошадьми. На колесах или пешком — но все куда-то спешили.

У Пиккадилли-Серкус возник затор по той же причине, по которой они возникают в любом городе. Упала лошадь, а движимый ею фургон перевернулся. Целая толпа мужчин кинулась поднимать животное и повозку, а с тротуара их подбадривали выкриками и шутками цветочницы и какие-то дамы с явно подкрашенными лицами.

Но чем дальше продвигался он к восточной части города, тем больше рассеивалось первоначальное потрясение от неимоверного богатства. Когда же он миновал огромное здание с величественным куполом, которое на карте, купленной на вокзале Виктория, было обозначено как собор Святого Павла, то попал в значительно более бедные с виду кварталы. Как-то совершенно внезапно импозантные фасады банков и контор крупных компаний уступили место рядам скромных домиков, многие из которых в той или иной степени нуждались в ремонте. Машин стало меньше, а лошадей больше. Шикарные магазины сменились уставленными на тротуарах лотками. Здесь уже не сновали армии посыльных. И теперь то и дело попадались босые дети, хотя, как ему подумалось, при таком-то климате это не так уж и важно.

Когда же он окончательно углубился в Ист-Энд, все стало еще более убогим. Здесь преобладали запущенные доходные дома с захламленными дворами и переулки, откуда несло вонью. А обитатели самого дна общества, одетые в лохмотья, рылись в помойках, выискивая остатки еды. Стоило же Максиму выйти на Уайтчепел-Хай-стрит, как он увидел знакомые бороды, пейсы и традиционные одежды ортодоксальных евреев. Местные крошечные лавчонки торговали копченой рыбой и кошерным мясом: он словно попал в одно из местечек в пределах российской «черты оседлости», вот только у здешних евреев не замечалось постоянного испуга в глазах.

Максим дошел до дома 165 по Джюбили-стрит — этим адресом его снабдил Ульрих — и оказался перед двухэтажным строением, с виду напоминавшим лютеранскую церковь.

Прикрепленная к двери вывеска гласила, что клуб и институт для рабочих открыты для всех трудящихся независимо от политических взглядов. Но истинный характер этого места выдавала мемориальная доска, на которой значилось, что открыл клуб в 1906 году Петр Кропоткин. И Максим предположил, что в Лондоне удастся, пожалуй, лично встретиться с легендой анархизма.

Он вошел внутрь. В фойе на глаза ему попала кипа номеров газеты, которая называлась «Друг рабочих», но издавалась на идише как «Der arbeiter Freund». Объявления на стенах рекламировали уроки английского языка, занятия в воскресной школе, поездку в Эппинговский лес и лекцию о «Гамлете». Максим шагнул в главный зал, и его интерьер подтвердил предположение, что некогда здесь располагался неф христианской церкви реформаторского

направления. Его, однако, подвергли перестройке, добавив сцену с одной стороны и стойку бара с другой. Группа мужчин и женщин на сцене репетировали какую-то пьесу. Вот, вероятно, чем занимались в Англии анархисты, и Максиму стало понятно, почему здесь им разрешено открыто держать свои клубы. Он приблизился к бару. Никакого алкоголя, зато на стойке стоял поднос с фаршированной рыбой, селедкой и – о радость! – у них был самовар.

Девушка за стойкой подняла на него взгляд и произнесла одно слово:

– Ну?

Максим невольно улыбнулся.

Неделю спустя, в тот самый день, когда князь Орлов должен был прибыть в Лондон, Максим отобедал во французском ресторане в Сохо. Он пришел пораньше и выбрал столик поближе к дверям. Заказал себе луковый суп, натуральный бифштекс из говяжьего филе, козий сыр и запил все это половиной бутылки красного вина. Официанты обходились с ним весьма почтительно. Закончил он в самый разгар обеденного времени. Выждав момент, когда трое официантов скрылись в кухне, а оставшиеся двое встали к нему спиной, он неспешно поднялся, снял с вешалки пальто и шляпу и вышел не расплатившись.

Шагая по улице, Максим улыбался. Он получал удовольствие от краж. И потому быстро научился жить в этом городе, практически ни на что не тратя денег. На завтрак он покупал сладкий чай и краюху хлеба с уличного лотка, что обходилось ему в два пенса, но зато за всю остальную еду в течение дня уже не платил. Чтобы перекусить в обед, он ухитрялся стащить что-нибудь у торговцев овощами и фруктами, выставлявшими образцы товара на тротуары. А вечерами чаще всего отправлялся к благотворительной кухне, где ему наливали миску дарового супа и давали неограниченное количество хлеба в обмен на обязательство выслушать какую-нибудь невразумительную проповедь или попеть хором псалмы. У него хранились пять фунтов наличными, но эти деньги предназначались для самых крайних случаев.

Жил он в Данстен-Хаус в районе Степни-Корт – в одном из тамошних пятиэтажных доходных домов, где обитала половина самых видных лондонских анархистов. Ему выделил матрас на полу одной из комнат своей квартиры Рудольф Рокер, обаятельный светловолосый немец, являвшийся главным редактором «Der arbeitler Freund». Обаяние Рокера не действовало на Максима, у которого на подобные вещи давно выработался иммунитет, но он не мог не уважать его абсолютной преданности делу. Рокер и его жена Милли держали свой дом открытым для анархистов весь день и большую часть ночи, а потому в него постоянно являлись все новые люди, доставлялась корреспонденция, здесь разгорались политические споры и собирались сходки с бесконечным количеством выпитого чая и выкуренных сигарет. Квартплаты с Максима не требовали, но он по доброй воле каждый день приносил что-нибудь для общего блага – то фунт колбасы, то пачку чая, то несколько апельсинов. Они, вероятно, думали, что он все это покупает, тогда как Максим продолжал беззастенчиво воровать.

Товарищам по партии он сообщил, что приехал сюда для занятий в Британском музее и собирает материал для заключительных глав своей книги об истоках анархии в первобытных культурах. Они ему верили. Это были дружелюбные, трудолюбивые, но совершенно безвредные люди, всерьез полагавшие, что революцию можно совершить, распространяя знания, поддерживая профсоюзы, читая лекции и раздавая брошюры на пикниках в Эппингсовском лесу. Впрочем, Максим уже знал, что большинство анархистов за пределами России принадлежали к такой же породе. Не сказать, чтобы он их ненавидел, но откровенно и искренне презирал, считая жалкими трусами.

И тем не менее даже среди таких кротких революционеров всегда можно было найти несколько куда более воинственно настроенных людей. И он их отыщет, как только возникнет нужда.

Его волновало, во-первых, приедет ли Орлов на самом деле, и, во-вторых, каким образом он осуществит покушение. Но поскольку пустые волнения непродуктивны, Максим постарался максимально отвлечь себя изучением и совершенствованием языка. Элементарный английский он освоил еще в космополитической Швейцарии. Во время долгого путешествия поездом через Европу он быстро прошел учебник для школ России и прочитал английский перевод своей любимой «Капитанской дочки» Пушкина, которую по-русски знал почти наизусть. Теперь же он каждое утро просматривал «Таймс» в читальном зале рабочего клуба, а позже бродил по улицам города, вступая в разговоры с пьяницами, бродягами и проститутками, то есть с людьми, которых любил больше других, потому что они отказывались жить согласно общественной морали. И печатное слово в книгах вскоре обрело для него смысл в звуках речи, которые он слышал повсюду, а сам он уже способен был сформулировать на языке почти любую свою мысль. Пройдет совсем немного времени, и он сможет свободно разговаривать по-английски даже о политике.

Удрав из ресторана, он направился на север, пересек Оксфорд-стрит и очутился в немецком квартале к западу от Тотнэм-Корт-роуд. Среди немцев было немало революционеров, но, как правило, коммунистов, а не анархистов. Максиму импонировала дисциплина в коммунистической партии, но вызывали подозрения авторитарные замашки некоторых ее лидеров, да и по темпераменту он совершенно не годился для кропотливой партийной работы.

Он по диагонали пересек Риджент-парк и попал в северную часть города, населенную преимущественно представителями среднего сословия. Там он принялся бродить по усаженным деревьями улицам, заглядывая в передние дворики перед опрятными кирпичными домами и высматривая велосипед, который можно было бы угнать. Кататься на велосипеде он научился в Швейцарии и сразу обнаружил, насколько удобен этот вид транспорта для слежки – маневренный и неброский, в толчее городского потока его скорости оказывалось вполне достаточно, чтобы не отстать от конного экипажа и даже автомобиля. К его огорчению, средней руки лондонская буржуазия имела, видимо, привычку хранить свои велосипеды под замком. Заметив ехавшего на велосипеде мужчину, Максим поддался было искушению выбить ездока из седла, но как раз в этот момент поблизости оказались трое пешеходов и хлебный фургон, а создавать слишком много шума ему не хотелось. Чуть позже показался паренек-рассыльный из продуктовой лавки, но его велосипед слишком бросался бы в глаза, поскольку был снабжен корзиной на багажнике и прикрепленной к рулю табличкой с фамилией владельца лавки. Максим начал уже подумывать, не оставить ли эту затею, когда увидел наконец именно то, что ему требовалось.

Мужчина лет тридцати выкатил из своего садика велосипед. На нем была соломенная шляпа и полосатый пиджак, топорщившийся на приличного размера животе. Прислонив велосипед к изгороди, он наклонился, чтобы специальными прищепками заузить внизу брюки.

Максим быстрыми шагами приблизился к нему.

Заметив наплывшую тень, мужчина поднял взгляд и пробормотал:

– Добрый день.

Максим сшиб его с ног.

Мужчина опрокинулся на спину и посмотрел на Максима с удивлением на глуповатом лице.

Максим навалился на него, надавив коленом на среднюю пуговицу застегнутого пиджака и перекрыв дыхание. Теперь противник оказался обезврежен, лишь отчаянно хватая ртом воздух.

Затем он поднялся и посмотрел в сторону дома. В окне первого этажа стояла молодая женщина и наблюдала за этой сценой, прикрыв ладонью нижнюю часть лица. Ее глаза выдавали безмерный испуг.

Он снова бросил взгляд на распластанного мужчину. Пройдет не меньше минуты, прежде чем у него хватит сил подняться.

Вскочив в седло велосипеда, он быстро укатил прочь.

«Человек, не знающий страха, способен сделать все, что ему заблагорассудится», – думал он при этом. А первый урок бесстрашия он усвоил одиннадцатью годами ранее на железной дороге неподалеку от Омска. Тогда еще шел снег...

Шел снег. Максим сидел в открытом товарном вагоне поверх груды угля и замерзал насмерть.

Ему было холодно ежеминутно с тех пор, как он сумел избавиться от кандалов на золотых приисках и сбежать. В тот год он пересек всю Сибирь от насквозь промороженной Якутии до Урала. И ему оставалась какая-то тысяча миль до цивилизации и более мягкого климата. Основную часть пути он проделал пешком, хотя иногда удавалось вскочить в железнодорожный вагон или спрятаться в обозе, перевозившем шкуры. Больше всего ему нравилось ехать с домашним скотом – с коровами было теплее, и он ел то, чем их кормили. При этом он лишь смутно осознавал, что и сам почти превратился в животное. Он ни разу не мылся, пальто ему заменяла попона, украденная из телеги, а в лохмотьях на его теле роились вши. Лучшим, что ему удавалось добыть из пищи, были сырые птичьи яйца. Однажды он сумел украсть какую-то клячу. Он загнал ее в первый же день, а потом съел ее печень. Всякое представление о времени было им давно утрачено. Максим догадывался, что наступила осень, по перемене погоды, но понятия не имел, какой шел месяц. Нередко он совершенно забывал, что делал накануне. Только в минуты относительного прояснения рассудка до него доходило, что он сходит с ума. С людьми он не общался. Если по пути встречался городок или деревня, он обходил их стороной, порывшись лишь на свалке где-нибудь на окраине. Он знал одно: двигаться надо на запад, где должно стать теплее.

Но затем состав с углем надолго загнали на запасный путь, и Максим понял, что умирает. Рядом дежурил охранник – толстый жандарм в теплой шубе, приставленный к поезду, чтобы крестьяне не воровали из вагонов уголь... И когда эта мысль пришла к нему, Максим понял, что его мозг переживает короткий промежуток просветления, и, быть может, уже самый последний. Он не сразу осознал, что заставило его ожить, а потом почуял запах ужина, который готовил для себя полицейский. Но жандарм был здоров, силен и вооружен.

«Плывать, – подумал Максим. – Я умру так или иначе».

А потому он поднялся, выбрал самый большой кусок угля, который еще способен был поднять, пошатываясь, добрал до сторожки охранника, вошел в нее и ударил хозяина угольной глыбой по голове.

На печке стояла кастрюля жаркого, но есть сразу было слишком горячо. Максим вынес кастрюлю наружу, вывалил содержимое в сугроб и, упав на колени, стал жадно поглощать пищу вперемешку с охлаждавшим ее снегом. Ему попадались кусочки картофеля, репы, сладкая морковь, но самое главное – мясо. Он глотал все это не пережевывая. Жандарм очутился, вышел наружу и ударил беглого каторжника своей дубинкой – со всего размаха поперек спины. Попытка помешать ему есть привела Максима в безумную ярость. Он поднялся во весь рост и набросился на жандарма, беспорядочно нанося удары и царапаясь. Жандарм пытался отбиваться дубинкой, но Максим не чувствовал боли. Он добрался пальцами до

горла охранника, сдавил его и уже не отпускал. Спустя какое-то время у полицейского закрылись глаза, лицо посинело, а язык вывалился изо рта. Максим смог доесть остатки жаркого.

Потом он уничтожил все запасы съестного в сторожке, отогрелся у печи и поспал на постели жандарма. Когда он проснулся, разум полностью вернулся к нему. Он снял с трупа шубу, стащил с ног валенки и пешком добрался до Омска. Уже в дороге им было сделано открытие, касавшееся его личности: он понял, что потерял способность бояться. В мозгу словно перекрыли какой-то клапан. Теперь ему даже трудно было себе представить нечто, способное нагнать на него страх. Голодный – он будет красть, преследуемый – прятаться, а оказавшись в опасности – убивать. Ему ничего больше не хотелось. Ничто не могло причинить боли. Любовь, гордость, тщеславие, сострадание стали забытыми чувствами.

Позднее почти все эмоции вернулись к нему, за исключением страха.

Добравшись до Омска, он продал шубу полицейского, а взамен обзавелся брюками, рубашкой, жилетом и пальто. Свои лохмотья он сжег, потратив рубль на баню и бритье в дешевой гостинице. Он поел в ресторане, уже пользуясь ножом, а не пальцами. Заметив заголовки в газетах, вспомнил, что умеет читать. И наступил момент, когда он понял, что сумел вернуться почти с того света.

Он сидел на скамье вокзала Ливерпуль-стрит, прислонив велосипед к стене рядом с собой. «Интересно, каков из себя этот Орлов?» – размышлял Максим. Он ведь ничего не знал об этом человеке, кроме титула, ранга и миссии, с которой тот прибывал в Лондон. Князь мог оказаться тоскливым служакой, душой и телом преданным царю, а мог – садистом и распутником. Или это седовласый добряк, для которого высшее удовольствие – нянчить своих внуков? Впрочем, это не имело принципиального значения. Максим в любом случае призван его убить.

В том, что он узнает Орлова, у него не было ни малейших сомнений, потому что русские, принадлежавшие к высшим сословиям, понятия не имели, как нужно на самом деле путешествовать инкогнито.

Но прибудет ли Орлов? Если он приедет, и именно на том поезде, который указал Жозеф, а потом встретится с графом Уолденом, то это будет означать, что и вся остальная информация от Жозефа предельно точна.

За несколько минут до прихода поезда полностью закрытый экипаж с четверкой великокопных лошадей прогромыхал по булыжной мостовой и въехал прямо на платформу. На козлах сидел кучер, а на запятках пристроился ливрейный лакей. Дежурный по вокзалу, одетый в полувоенный мундир с начищенными до блеска пуговицами, вышел встречать карету. Поговорив с возницей, железнодорожник указал ему на дальний конец платформы. Затем появился сам начальник станции. В сюртуке и цилиндре вид он имел весьма важный. Он посмотрел на свой брегет и критически сверился с вокзальными часами. Потом открыл дверь экипажа, чтобы помочь пассажиру выбраться наружу.

Когда дежурный по вокзалу проходил мимо скамьи Максима, тот ухватил его за рукав.

– Пожалуйста, сэр, скажите мне! – Он округлил глаза, строя из себя наивного иностранного туриста. – Неужели это сам английский король?

– Нет, приятель, – ухмыльнулся дежурный. – Это всего лишь граф Уолден.

И прошествовал дальше.

Значит, Жозеф не подвел.

Максим издали наблюдал за Уолденом глазами наемного убийцы. Тот был высок, примерно одного с Максимом роста, но тучен – гораздо более удобная мишень, чем человек субтильного телосложения. На вид лет пятьдесят. За исключением чуть заметной хромоты, он производил впечатление мужчины в расцвете сил. Такой мог попытаться убежать, но не слишком быстро. На нем был приметный светло-серый утренний плащ и того же оттенка

цилиндр. Волосы под шляпой прямые и коротко постриженные, а лицо украшала борода лопатой в стиле покойного короля Эдуарда VII. Он стоял на платформе, опираясь на трость – потенциальное оружие, – перенося вес тела на левую ногу. Кучер, лакей и начальник станции крутились вокруг него, как рабочие пчелы вокруг матки. Граф же оставался совершенно невозмутимым. Он не смотрел на часы, не обращал внимания на суету вокруг себя. «Это слишком обыденно для него, – подумал Максим. – Всю свою жизнь он привык быть важной персоной, выделяющейся в любой толпе».

Вдали показался поезд – труба паровоза выпускала в воздух клубы дыма. «Я мог бы убить Орлова прямо сейчас», – крутилась мысль в голове Максима, и на какой-то момент им овладел азарт охотника, почуявшего близость дичи. Однако он заранее решил не делать этого сегодня. Сейчас он здесь, чтобы наблюдать, но не действовать. С его точки зрения, многие убийцы из числа анархистов терпели неудачи именно потому, что слишком торопились и не исключали возможных случайностей. Сам же он глубоко верил в тщательное планирование и организацию, хотя эти слова вызывали у анархистов аллергию. Им следовало понимать, что каждому человеку дозволено планировать собственные действия, а тиранами становятся только те, кто начинает распоряжаться жизнями других людей.

Выпустив последнюю струю пара, паровоз остановился. Максим поднялся со скамьи и переместился чуть ближе к платформе. В конце состава располагался, по всей видимости, частный вагон, который выдавал блеск свежей краски. Он остановился в точности напротив кареты Уолдена. Начальник станции услужливо шагнул вперед, чтобы открыть вагонную дверь.

Максим напряг зрение, вглядываясь в чуть затененное пространство, где должна была появиться его цель.

Еще несколько мгновений ожидания, и показался Орлов. Он на секунду задержался в дверном проеме, но этого времени хватило, чтобы глаз Максима словно сфотографировал его. Это был невысокий мужчина в дорогом, сшитом типично по-русски пальто с меховым воротником и в черном цилиндре. Розовощеое, молодое, почти мальчишеское лицо с небольшими усиками, но безбородое. В улыбке сквозила нерешительность. Он казался сейчас таким уязвимым, что Максим невольно подумал: «Сколько же зла в этом мире творят люди с невинными лицами!»

Орлов сошел с поезда. Они с Уолденом обнялись совсем как двое русских, но очень быстро, и тут же заняли места в экипаже.

«Что за спешка?» – задался вопросом Максим.

Тем временем лакей и двое станционных носильщиков принялись загружать в карету багаж, и почти тут же выяснилось, что все никак не поместится, и это вызвало улыбку Максима, вспомнившего собственный полупустой картонный чемоданчик.

Карету развернули на месте. Лакея было решено оставить здесь, чтобы он позаботился о прочем багаже. Носильщики робко подошли к окну экипажа, из-за занавески показалась рука в сером и одарила рабочих несколькими монетами. Карета тронулась. Максим оседлал велосипед и последовал за ней.

Среди хаотичного движения на лондонских улицах поспевать за Уолденом было нетрудно. Максим катил за экипажем через город – сначала по Стрэнду, потом через Сент-Джеймс-парк. Достигнув противоположного конца парка, возница проехал чуть дальше по улице, служившей его границей, и резко свернул в огороженный стеной двор.

Максим соскочил с велосипеда и, ведя его за руль, прошелся пешком по кромке парковой лужайки, пока не оказался через дорогу от ворот. Отсюда он мог видеть, как карета подкатила к импозантному входу огромного особняка. Даже поверх крыши кареты он заметил два цилиндра – серый и черный, мелькнувшие и исчезнувшие внутри дома. Потом дверь закрылась, и больше он ничего не смог рассмотреть.

Лидия окинула дочь критическим взглядом. Шарлотта стояла перед большим трюмо, примеряя платье дебютантки, которое предстояло надеть для представления при дворе. Мадам Бурдон – изящная и модная портниха – мельтешила вокруг с булавками, то поправляя оборку в одном месте, то закрепляя складки гофре в другом.

Шарлотта была одновременно красива и невинна – то есть они добились того эффекта, который и требовался от дебютантки. Платье из белого сетчатого шелка, расшитого стразами, почти достигало пола, чуть приоткрывая прелестно маленькие остроносые туфли. Линия воротника под вырезом продолжалась до уровня талии, укрепленная корсажем из хрусталя. Шлейф из серебристой ткани, отделанной бледно-розовым шифоном, протянулся на четыре ярда и был увенчан большим серебристо-белым бантом. Темные волосы Шарлотты, взбитые в высокую прическу, венчала диадема, принадлежавшая предыдущей леди Уолден, матери Стивена. И, согласно установившейся традиции, по обеим сторонам прически крепились два белых пера.

«Вот моя малышка и повзрослела», – подумала Лидия.

– Все просто превосходно, мадам Бурдон, – сказала она.

– Благодарю вас, миледи.

– В нем жутко неудобно, – проворчала Шарлотта.

Лидия вздохнула. Это было именно то, чего ей следовало ожидать от дочери.

– Мне кажется, ты ведешь себя несколько фривольно, – заметила она.

Шарлотта присела, чтобы подобрать шлейф.

– Для этого совершенно не обязательно чуть ли не припадать на колени, – сказала Лидия. – Смотри, повторяй за мной, и я научу тебя, как это делать правильно. Повернись влево.

Шарлотта подчинилась, и шлейф тоже послушно оказался по левую от нее сторону.

– Теперь начинай подтягивать его левой рукой и сделай еще четверть поворота влево.

После этих манипуляций шлейф очутился прямо перед Шарлоттой.

– Шагни вперед и правой рукой на ходу перебрось шлейф через левую.

– Получилось! – заулыбалась Шарлотта. Улыбаясь, она начинала словно светиться изнутри. «А ведь когда-то она была такой все время, – подумала Лидия. – Я всегда знала, что у нее на уме». Но увы, часть взросления и заключалась в постижении науки обмана.

– У кого ты научилась всем этим штукам, мама? – спросила Шарлотта.

– Перед моим дебютом меня основательно натаскала первая жена твоего дяди Джорджа, мать Белинды.

Ей так и хотелось добавить: «Все это освоить не хитро с чужой помощью, но самые трудные уроки жизни тебе придется проходить самой».

В этот момент в комнату вошла Мария – гувернантка Шарлотты. Это была толковая, почти лишенная сантиментов женщина в сером платье, единственная служанка, которую Лидия взяла с собой из Петербурга. Внешне она нисколько не изменилась за прошедшие девятнадцать лет. И даже Лидия понятия не имела о ее возрасте. Сколько ей? Пятьдесят? Шестьдесят?

– Прибыл князь Орлов, миледи, – объявила она и обратилась к Шарлотте: – Девочка моя, ты просто восхитительна!

«Пожалуй, пришло время, чтобы Мария обращалась к ней на вы и называла леди Шарлоттой», – мелькнула мысль у Лидии, но вслух она сказала дочери:

– Спускайся вниз, как только переоденешься.

И Шарлотта тут же принялась отстегивать бретельки, которыми к платью крепился шлейф. А Лидия вышла.

Стивена она нашла в гостиной, потягивающим херес. Он прикоснулся к ее обнаженной руке и произнес:

– Обожаю видеть тебя в летних платьях.

– Спасибо, – улыбнулась Лидия.

«Он и сам выглядит неплохо в сером костюме и серебристом галстуке», – отметила про себя она. Это гармонировало с серебром, все больше пробивавшимся в его прическе и бороде. «Мы могли бы стать такой счастливой парой – ты и я...» Ею внезапно овладело желание поцеловать мужа в щеку. Она оглядела гостиную. У столика стоял лакей, разливавший по бокалам херес. И импульс пришлось подавить. Она села и приняла из рук лакея бокал.

– Как Алекс? – спросила она.

– Все тот же, – ответил Стивен. – Сейчас сама увидишь. Он обещал спуститься через минуту. А что с нарядом Шарлотты?

– Платье вышло чудесное. Но меня волнует ее отношение. Она не желает признавать важности момента. Не хотелось бы, чтобы с возрастом она стала циничной.

Но Стивена сейчас трудно было заставить переживать по такому поводу.

– Погоди, пока какой-нибудь молодец из гвардии не положит на нее глаз. Весь ее цинизм как ветром сдует.

Это замечание вызвало у Лидии лишь раздражение. Оно подразумевало, что все девушки всего лишь рабыни своих романтических натур. Впрочем, Стивен говорил такие вещи, только когда не хотел над чем-то действительно задуматься всерьез. Даром что выглядел он при этом этаким добродушным, но пустоватым сельским джентльменом, каким не был вовсе. Но при всем том Стивен придерживался убеждения, что его дочь ничем не отличается от любой другой восемнадцатилетней девушки из высшего общества, и ничто не могло изменить его взглядов. А Лидия догадывалась, что в натуре Шарлотты крылись некие необузданные, совсем не английские черты, которые ей до времени приходилось в себе подавлять.

И вопреки здравому смыслу Лидия даже ощущала некоторую враждебность к Алексу именно из-за Шарлотты. В том, конечно же, не было его вины, но он воплощал в себе петербургский фактор, перенося в сегодняшний день все опасности дней ушедших. Она беспокойно заерзала в кресле и поймала на себе пристальный взгляд Стивена.

– Неужели ты нервничаешь перед встречей с малышом Алексом? – спросил он.

– Русские так непредсказуемы, – передернула она плечами.

– Он мало похож на типичного русского.

Она снова улыбнулась, но мгновение, когда почувствовала к мужу подлинную нежность, уже прошло, сменившись в ее сердце привычной стойкой привязанностью.

Дверь отворилась. «Сохраняй хладнокровие», – велела себе Лидия.

– Тетя Лидия! – Алекс вошел и сразу склонился к ее руке.

– Добрый день, Алексей Андреевич, – официально приветствовала она его, но тут же сменила тон и уже веселее добавила: – Как тебе удастся по-прежнему выглядеть восемнадцатилетним?

– Вашими бы устами... – отозвался он, но в глазах блеснули лукавые искорки.

Она стала расспрашивать его о поездке, а слушая рассказ, не переставала удивляться, почему он до сих пор не женился. Один только его титул должен был оказывать на многих девушек (не говоря уже об их мамашах) совершенно магическое воздействие. А если добавить, что он хорош собой и невероятно богат... «Уверена, этот плут успел разбить немало сердец», – подумала Лидия.

– Ваши брат и сестра передавали изъяснения любви и просили помолиться за них, – продолжал Алекс.

Он нахмурился.

– Петербург стал беспокойным местом. Это больше не тот город, который вы знали.

– Да, мы все слышали об этом монахе, – вставил реплику Стивен.

– Вы о Распутине? Императрица верит, что через него с ней общается сам Господь, а она, в свою очередь, оказывает огромное влияние на царя. Но Распутин только один из симптомов болезни. Страна постоянно охвачена стачками и мятежами. Народ утратил веру в божественное происхождение царской власти.

– И что же следует предпринять? – спросил Стивен.

Алекс вздохнул.

– Все требует перемен. Нам нужны эффективные фермерские хозяйства, развитие промышленности, настоящий парламент, подобный английскому, земельная реформа, профсоюзы, свобода слова...

– Вот с профсоюзами я бы на вашем месте не торопился, – заметил Стивен.

– Возможно, вы правы, но России так или иначе давно пора вступить в двадцатый век. И либо мы, благородное сословие, ей в этом поможем, либо народ сметет нас и сам возьмется за дело.

Лидия с удивлением поняла, что риторика Алекса звучит решительнее, чем у некоторых членов партии радикалов в Лондоне. Как же разительно должна была измениться ситуация дома, чтобы один из князей заговорил в таких выражениях! Ее сестра Татьяна, мать Алекса, в письмах нередко писала о «народных волнениях», но ни разу и словом не обмолвилась, что аристократам может грозить реальная опасность. Правда, следовало иметь в виду, что Алекс все-таки больше пошел в отца, старого князя Орлова, чрезвычайно интересовавшегося политикой. И будь он до сих пор жив, то, вероятно, разделял бы взгляды сына.

– Но ведь существует и третий путь, как ты должен догадываться, – сказал Стивен. – Путь, который все еще может сплотить народ с аристократией.

Алекс улыбнулся так, что становилось понятно: он знает, о чем речь.

– И этот путь?.. – все же спросил он.

– Война.

Алекс с серьезным видом кивнул. «Они прекрасно понимают друг друга», – подумала Лидия. Алекс всегда прислушивался к мнению Стивена, который во многих отношениях заменил ему отца после смерти старика князя.

В этот момент вошла Шарлотта, и Лидия уставилась на нее в изумлении. На ней было платье, которого мать никогда прежде не видела: прозрачные кремовые кружева на шоколадного оттенка подкладке. Сама она никогда бы такое дочери не купила – оно было слишком откровенным, но не могла отрицать, что Шарлотта выглядит в нем просто ошеломляюще. «Где она его взяла? – гадала Лидия. – С каких пор стала пополнять свой гардероб, не посоветовавшись со мной? А кто ей мог подсказать, что эти цвета удивительно гармонируют с ее темными волосами и карими глазами? И не следы ли макияжа чуть заметны на ее лице? К тому же на ней нет корсета!»

Стивен тоже не сводил с дочери глаз. Лидия заметила, как он непроизвольно поднялся из кресла, и это выглядело настолько забавно, что она с трудом сдержала смех. Уже через секунду он сам поймет нелепость ситуации, потому что вставать при каждом появлении дочери в собственном доме было явным перебором.

Но еще более сильное впечатление Шарлотта произвела на Алекса. Он тоже вскочил на ноги, расплескал херес и густо покраснел. «Боже, да он застенчив!» – отметила про себя Лидия. Он переложил мокрый бокал из правой руки в левую и, поняв совершенную невозможность рукопожатия, остался стоять в полной растерянности. Неловкость усугублялась – ему явно следовало сначала прийти в себя, чтобы приветствовать Шарлотту, а он собирался это сделать, еще не оправившись от конфуза. Поэтому Лидия уже хотела вставить какую-

нибудь пустую светскую фразу и заполнить возникшую напряженную паузу, когда Шарлотта взяла инициативу на себя.

Из нагрудного кармана Алекса она невозмутимо извлекла шелковый носовой платок и протерла его правую руку со словами, произнесенными по-русски:

– Как поживаете, Алексей Андреевич?

Потом сама пожала ему правую руку, забрала из левой бокал, протерла его и руку, вернула бокал, сунула платок на место и заставила гостя сесть. При этом она сразу же пристроилась рядом с ним и заняла разговором:

– Ну вот, а теперь, когда херес больше не летает по воздуху, я хочу, чтобы вы рассказали мне о Дягилеве. Говорят, он очень странный человек. Вы с ним знакомы?

– Да, знаком, – улыбнулся Алекс.

Князь полностью овладел собой и пустился в рассказ, а Лидия могла только удивляться: Шарлотта справилась с неожиданно возникшей ситуацией без малейших колебаний и задала затем вопрос, который, несомненно, обдумала заранее, чтобы Орлов расслабился и снова почувствовал себя в своей тарелке. И проделано все это было так ловко, словно она вращалась в свете уже лет двадцать и привыкла ко всякому. Где она только научилась этим манерам?

Лидия перехватила взгляд мужа. Стивен тоже был явно поражен изящным поведением дочери, и от отцовской гордости расплылся в широченной улыбке.

Максим мерил шагами Сент-Джеймс-парк, обдумывая увиденное. Время от времени он бросал взгляд через дорогу, где над высокой оградой возвышался изящный белый фасад особняка Уолдена, подобно тому, как исполненная благородства голова возвышается над жестким, безупречно накрахмаленным воротничком. «Эти люди уверены, что там они в полной безопасности», – подумал Максим.

Потом он уселся на скамью, располагавшуюся так, что с нее дом был по-прежнему отлично виден. Мимо него сновали представители лондонского среднего класса: девушки в немыслимых шляпах, клерки и лавочники, возвращающиеся по домам в темных костюмах и котелках. Нянюшки сплетничали между собой, покачивая младенцев в колясках или приглядывая за играми разодетых в пух и прах малышей. Попадались и цилиндры джентльменов, спешивших по своим клубам в районе Сент-Джеймс. Лакеи в ливреях выгуливали маленьких уродливых собачек. Толстая дама с огромной сумкой покупок плюхнулась на скамью рядом с Максимом и сказала:

– Ну и жарко, доложу я вам!

Он не знал, как правильно реагировать на такую ремарку, и потому лишь улыбнулся и отвел взгляд в сторону.

Представлялось все же вероятным, что Орлов понимал меру опасности, подстерегавшей его в Лондоне, куда он прибыл с тайной миссией. По крайней мере на станции он мелькнул всего на несколько секунд, а из дома не показывался вовсе. Максим догадался, что он специально попросил встретить его в закрытом экипаже, хотя погода стояла превосходная и на улицах преобладали коляски с откинутым верхом или открытые ландо.

До сегодняшнего дня план убийства рисовался абстрактно, понял Максим. Он стоял в одном ряду с такими отвлеченными понятиями, как международная политика, дипломатические скандалы, союзы и договоры, военные приготовления и гипотетические позиции, занимаемые бесконечно далекими кайзерами и царями. Но сейчас он внезапно предстал воплощением реального человека, мужчины определенной комплекции и роста с молодежьим усадым лицом. И в это лицо можно было вогнать пулю. А невысокую плотную фигуру в теплом пальто разнести на куски бомбой. Или перерезать ножом чисто выбритую шею над модным галстуком в горошек.

И Максим ощущал себя готовым привести в исполнение любой из вариантов. Более того, он страстно желал этого. Оставались вопросы, но на них найдутся ответы; существовали проблемы, но они будут решены; дело потребует смелости – но как раз с этим у него все в порядке.

Он воображал себе Орлова и Уолдена внутри этого красивого особняка в изящной и удобной одежде, окруженных толпой угодливых слуг. Вскоре они усядутся ужинать за длинный стол, в полированной поверхности которого будут отражаться огни канделябров, белоснежные салфетки, серебро столовых приборов. И они примутся за еду с тщательно вымытыми руками с ухоженными ногтями, а женщины – в специальных перчатках. Съедят они едва ли десятую часть от поданных блюд, отправив остальное назад в кухню. Их разговор будет вертеться вокруг скачек, последних мод сезона или даже короля, с которым все они знакомы лично. Люди, которых они собираются отправить на кровавую бойню, борются с холодом и голодом в сырых землянках насквозь промерзшей России, а здесь они всегда нальют миску бесплатного супа даже революционеру-анархисту, пока он ведет себя тихо.

«Какое же высшее счастье мне предстоит испытать, убив Орлова! – подумал Максим. – Как сладостна будет месть! Если мне это удастся, я потом могу даже принять смерть, полностью исполнив свое предназначение на этой земле».

Он чуть дрожал от предвкушения.

– Похоже, вы подцепили простуду, – заметила толстуха рядом.

Максим только пожал плечами.

– Я купила ему на обед отменные бараньи отбивные и испекла яблочный пирог, – сказала она.

– Вот как? – Максим так и не понял, о чем она пыталась толковать. Он встал со скамьи и по траве подошел ближе к дому. Потом сел, но уже на землю, прислонившись спиной к стволу дерева. Ему придется наблюдать за особняком еще день, а быть может, и два, чтобы выяснить, какой образ жизни Орлов собирается вести в Лондоне. Когда он будет выезжать и возвращаться обратно, каким транспортом пользоваться – каретой, ландо, автомобилем или обычным кебом, – как много времени станет проводить в обществе Уолдена. В идеале он должен предвидеть перемещения князя, чтобы однажды затаиться в засаде. Этого можно добиться, просто изучив его привычки. Или же каким-то образом узнавать заранее о планах, пусть даже придется подкупить кого-то из прислуги.

Затем ему предстояло решить проблему выбора оружия и его приобретения. Выбор, разумеется, зависел от того способа убийства, который он в итоге предпочтет. А вот достать оружие ему сумеют помочь только анархисты с Джюбили-стрит. Но к актерам-любителям заведомо обращаться не стоило, как и к интеллектуалам из Данстен-Хаус и прочим «революционерам», имевшим легальный источник заработка. Зато он уже выделил для себя группу из четырех-пяти действительно озлобленных молодых людей, которым хватало денег только на выпивку, но в редких случаях, касаясь в разговоре политики, они неизбежно поднимали тему экспроприации экспроприаторов, что на жаргоне анархистов означало возможность финансировать революцию, добывая деньги грабежами. У таких либо уже было оружие, либо они знали, где его взять.

Две совсем юные девушки, с виду похожие на продавщиц, прошли мимо, и он слышал, как одна из них щебетала:

– И тогда я сказала ему: «Неужели ты думаешь, что если сводил меня в «Биоскоп», а потом угостил бокалом эля, то можешь уже и...»

Они скрылись из виду.

Странное чувство вдруг овладело Максимом. Сначала он решил, что оно навеяно девушками, но нет – ему было на них решительно наплевать. «Что это? Тревога? – подумал он. – Нет. Довольство собой? Нет. Еще не время. Возбуждение? Едва ли».

А потом он понял, что попросту счастлив.

И это действительно было для него необычно и ново.

В ту ночь Уолден пришел в спальню к Лидии. Они занялись любовью, потом она уснула, а Стивен лежал в темноте, держа на плече ее голову, и вспоминал Петербург 1895 года.

Тогда он почти непрестанно путешествовал – по Америке, Африке, Аравии, но, главным образом, потому, что Англия оказалась слишком тесна, чтобы жить там одновременно с отцом. Жизнь петербургского светского общества показалась ему веселой, но в чем-то консервативной. Ему нравились российские пейзажи и водка. А иностранные языки всегда давались легко, и хотя русский был одним из самых трудных, тем охотнее он принял вызов и стал изучать его.

Как будущему наследнику графского титула, Стивену вменялось в обязанность нанести визит вежливости британскому послу, а тот, в свою очередь, почел своим долгом добывать для гостя приглашения на все приемы подряд и представить его наиболее видным фигурам местного высшего общества. Стивен охотно принимал приглашения, поскольку любил разговаривать о политике с дипломатами не меньше, чем играть в карты с военными и пить шампанское с актрисами. На одной из вечеринок в посольстве и состоялась его первая встреча с Лидией.

Ему уже приходилось слышать о ней. У нее была репутация образца добродетели и настоящей красоты. И она действительно обладала красотой, но хрупкой и несколько бесцветной, особенно когда к своей бледной коже и светлым до блеклости волосам добавляла еще и белое вечернее платье. Ее манеры отличали скромность, сдержанность и безукоризненная вежливость. Не обнаружив в ней ничего поразительного, Стивен ограничился на первый раз лишь короткой беседой и нашел себе другую компанию.

Однако позже, во время ужина, она оказалась его соседкой за столом, и тут уж от обязанности общаться деться было некуда. Все русские свободно владели французским, а вторым иностранным избирали, как правило, немецкий, и потому Лидия почти не знала английского. Выручила способность Стивена без проблем говорить на французском. А вот найти подходящую тему оказалось куда сложнее. Он бросил реплику о правительстве России – она ответила набором реакционных клише, банальным и расхожим среди представительниц ее класса в то время. Тогда он переключился на свое увлечение – охоту на диких африканских зверей, и какое-то время она казалась заинтересованной, но стоило ему начать описывать племя пигмеев, ходивших совершенно голыми, как она покраснела и отвернулась, чтобы заговорить с соседом по другую от себя сторону. Стивен же решил, что эта девушка совершенно не для него. На таких следовало жениться, а супружество пока не входило в его планы. И все же осталось не дававшее покоя ощущение, что она куда сложнее, чем казалась на первый взгляд.

Лежа с ней в постели девятнадцать лет спустя, Уолден подумал, что это ощущение остается при нем до сих пор, и грустно улыбнулся в темноте.

А в тот вечер в Петербурге он случайно увидел ее еще раз. После ужина он заблудился в лабиринте коридоров посольства и набрел на музыкальный салон. Она была там одна и сидела за роялем, наполняя комнату звуками музыки, полной безудержной страсти. Мелодии он прежде не слышал, и поначалу она показалась ему даже несколько дисгармоничной, но задержаться его заставило не это, а сама Лидия. Бледная красота недотроги куда-то исчезла: у нее яростно сверкали глаза, когда она в экстазе откидывала голову, а все тело трепетало от переживаемых эмоций – это была совершенно другая женщина.

Музыку он запомнил на всю жизнь. Позднее он узнал, что это первый фортепианный концерт Чайковского, си-бемоль минор, и с тех пор отправлялся слушать его при каждой возможности, так и не признавшись Лидии почему.

Покинув посольство, он вернулся в гостиницу, чтобы переодеться, поскольку ближе к полуночи его ждали за карточным столом. Играть Стивен любил, но не терял головы: всегда в точности зная, сколько может позволить себе проиграть, и, лишившись этой суммы, сразу же прекращал игру. Причина такой сдержанности таилась не в холодном расчете. Просто он знал, что, случись ему наделать долгов, придется обращаться за помощью к отцу, а сама мысль об этом была невыносима. Впрочем, порой он оставался и в достаточно крупном выигрыше. Но если быть до конца честным, то не сам по себе азарт игры на деньги привлекал его – гораздо больше ему нравилось проводить время в мужской компании с выпивкой ночь напролет.

Но в тот раз сесть за столик с зеленым сукном было не суждено. Притчард, его камердинер, как раз завязывал узел на галстуке, когда в дверь гостиничных апартаментов постучал посол. Причем у его превосходительства был такой вид, словно ему пришлось спешно встать с постели и на скорую руку одеться. У Стивена даже мелькнула мысль, что произошла революция и всех граждан Великобритании срочно попросят укрыться в стенах посольства.

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, – начал посол, – поэтому вам лучше присесть. Поступила телеграмма из Лондона. Это касается вашего отца.

Старый деспот умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти пяти лет.

– Разрази меня гром! – отозвался на известие Стивен. – Вот уж не ожидал, что это случится так рано.

– Примите мои глубочайшие соболезнования, – сказал посол.

– Весьма признателен, что вы лично прибыли сообщить мне об этом.

– Это мой долг. Скажите, если чем-то могу помочь.

– Спасибо, вы очень добры ко мне.

Посол с чувством пожал ему руку и уехал.

А Стивен уставился в пространство, вспоминая старика отца. Это был необычайно высокий человек с железной волей и прескверным характером. Его саркастические замечания способны были кого угодно довести до слез. У его близких существовало только три возможности: уподобиться ему, полностью подчиниться или сбежать. Мать Стивена, милая, но совершенно бесхребетная женщина Викторианской эпохи, позволила мужу совершенно подавить себя и умерла совсем молодой. Стивен предпочел уехать.

Он вообразил себе отца на смертном одре и подумал: «Наконец-то и ты лишился своей власти над людьми. Теперь не будут рыдать горничные, трепетать лакеи, а дети в испуге прятаться от тебя по углам. Ты не сможешь больше насильно устраивать браки и сгонять фермеров с земли, чтобы показать, насколько тебе плевать на принятые парламентом законы. Тебе уже не приговорить вора к пожизненному заключению в тюрьме и не сослать болтуна-агитатора из социалистов в Австралию. Прах к праху, пыль к пыли».

Ему потребовалось много лет, чтобы пересмотреть свое мнение об отце. И теперь, в 1914 году, когда ему самому исполнилось пятьдесят, он признавал и некоторые достоинства батюшки, которые отчасти унаследовал сам: тягу к знаниям, веру в рационализм, убеждение, что только добросовестный труд может оправдать существование мужчины на этой земле. Но в 1895-м Стивен не чувствовал ничего, кроме горечи.

Притчард принес на подносе бутылку виски и коротко сказал:

– Воистину печальное событие, милорд.

Услышав обращение «милорд», Стивен едва ли не вздрогнул. До сей поры они с братом носили чисто номинальные титулы – сам Стивен был лордом Хайкомом, и прислуга, обращаясь к нему, именovala его просто «сэр». Милордом для них мог быть только отец.

Но отныне, конечно же, именно Стивен становился графом Уолденом. А вместе с титулом к нему в собственность переходили несколько тысяч акров земли в южной Англии, обширные угодья в Шотландии, семь скаковых лошадей, Уолден-Холл, вилла в Монте-Карло, охотничий домик на севере и место в палате лордов.

Ему придется жить в Уолден-Холле. Это было семейное гнездо, и графу, как его главе, полагалось обитать именно там. «Первым делом проведу электричество», – тут же решил он. Можно продать некоторые из ферм, чтобы вложить деньги в лондонскую недвижимость и акции североамериканских железных дорог. Потом предстоит выступить с первой речью в палате лордов. О чем он будет говорить? Скорее всего о внешней политике. У него теперь были арендаторы, за которыми следовало присматривать, и несколько имений, чтобы рачительно ими управлять. Отныне в сезон ему необходимо появляться при дворе, устраивать охоту и приемы...

Ему никак не обойтись без жены.

Роль графа Уолдена совершенно не подходила холостяку. Кто-то должен выполнять обязанности хозяйки во время всех этих приемов, отвечать на письменные приглашения, обсуждать с поварихой меню, распределять гостей по спальням и сидеть на противоположном конце длинного стола во время званных ужинов в Уолден-Холле. Требуется графиня Уолден.

Ведь и о наследнике придется подумать тоже.

– Мне необходимо жениться, Притчард.

– Да, милорд. Вашим холостяцким денькам пришел конец.

На следующий день Уолден нанес визит отцу Лидии и получил официальное разрешение видеться с ней.

Даже теперь, почти двадцать лет спустя, он поражался своей легкомысленной безответственности, непростительной даже по молодости лет. Он ни разу не задался вопросом, станет ли она для него подходящей женой. Его интересовало только, достаточно ли она благородного происхождения, чтобы носить титул графини. У него не возникало сомнений, что он сможет сделать ее счастливой. Ему хотелось верить, что та страсть, которую она обнаружила, играя на фортепиано, неизбежно будет перенесена на него самого, и в этом заключалась ошибка.

Он виделся с ней каждый день на протяжении двух недель – на похороны отца в Англии он все равно не успевал, – а потом сделал предложение. Не ей, а ее отцу. Тот смотрел на вещи с той же прагматичной точки зрения самого Уолдена, объяснившего, что ему необходимо жениться немедленно, несмотря на траур по отцу, поскольку по возвращении домой его ждали многочисленные обязательства. Отец Лидии был исполнен понимания. Через шесть недель они стали мужем и женой.

«Каким же самодовольным глупцом я тогда себя повел, – думал он теперь. – Мне представлялось, что, подобно тому, как Британия навсегда останется владычицей морей, я неизменно смогу держать в узде свое сердце».

Из-за облаков проглянула луна и осветила спальню. Он посмотрел на спящую Лидию. «Я никак не мог предвидеть, – продолжал размышлять он, – что по уши и безнадежно влюблюсь. Мне нужно было только, чтобы мы друг другу нравились, но в результате этого оказалось достаточно для тебя и слишком мало для меня. Я и представить себе не мог, как необходима мне станет твоя улыбка, как желанны твои поцелуи, как я буду с волнением ждать, придешь ли ты ночью ко мне в спальню, и уж совсем не в состоянии был вообразить, какой страх воцарится в моей душе при мысли, что я могу тебя потерять».

Она что-то пробормотала во сне и повернулась на другой бок. Он осторожно убрал руку из-под ее головы и сел на край кровати. Если задержаться, есть риск тоже уснуть, а горничная Лидии не должна видеть их в одной постели, когда утром принесет хозяйке чашку

чая. Он запахнул халат, сунул ноги в ручной работы тапочки и неслышно вышел, чтобы через две смежные гардеробные попасть в свою спальню. «И все-таки как же мне повезло!» – подумал он, забираясь под одеяло.

Уолден оглядел накрытый к завтраку стол. Кофе, чай китайский, чай индийский, молоко, сливки, ликеры, большая чаша с горячей овсянкой, блюда со стопками лепешек и тостов, баночки с мармеладом, медом и джемами. На отдельном столике, подогреваемые специальными спиртовыми горелками, расположились серебряные контейнеры с яичницей, беконом, колбасками, тушеными почками и жареной рыбой. Холодные закуски были представлены ростбифом, ветчиной и языком. Во фруктовых вазах громоздились пирамиды из нектаринов, апельсинов, клубники и ломтиков дыни.

«Все это не может не привести Алекса в хорошее настроение», – подумал он.

Он положил на тарелку немного яичницы с почками и уселся за стол. Русские, конечно же, знают себе цену и потребуют нечто в обмен на обещание военной помощи. Уолдена тревожило, какими будут эти требования. Если они захотят чего-то, что Англия заведомо не сможет им дать, переговоры немедленно окажутся под угрозой срыва, а это...

Нет. Его задача как раз в том и состоит, чтобы не дать переговорам сорваться.

Он сумеет повлиять на Алекса, сможет манипулировать им. Хотя эта мысль причинила ему внутренний дискомфорт. Тот факт, что он давно знал мальчика, вроде бы должен только облегчить миссию, но если придется занять жесткую позицию, ему куда проще было бы сделать это, ведя переговоры с совершенно посторонним человеком, чья судьба его не волновала.

Но сейчас следует забыть все личное. «Мы должны получить Россию в союзницы!»

Он налил себе кофе и намазал кусок лепешки медом. Ровно через минуту появился Алекс, ясноглазый и ухоженный.

– Как спалось? – спросил Уолден.

– На удивление великолепно. – Алекс взял из вазы нектарин и принялся за него, разделявая ножом и вилкой.

– И это все? – удивился Уолден. – Ты же всегда так любил английские завтраки. Помнится, мог съесть тарелку овсянки, порцию яичницы, ростбиф и клубнику, а потом послать на кухню, чтобы принесли еще тостов.

– Я ведь уже больше не расту, дядя Стивен.

«Мне лучше сразу зарубить себе это на носу», – отметил про себя Уолден.

Покончив с завтраком, они перешли в комнату для утреннего отдыха.

– Мы вскоре собираемся объявить о рассчитанном на пять лет плане развития армии и военно-морского флота, – сообщил Алекс.

«Как это похоже на него, – подумал Уолден. – Сначала отвлечь внимание, чтобы сразу же о чем-нибудь попросить». Он вспомнил, как Алекс сказал однажды: «Этим летом я непременно прочитаю Клаузевица, дядя. Кстати, можно, я приглашу своего приятеля на охоту в Шотландию?»

– Бюджет на пять лет составит семь с половиной миллиардов рублей, – продолжал Алекс.

«При курсе десять рублей за фунт стерлингов, – прикинул Уолден, – это семьсот пятьдесят миллионов фунтов».

– Весьма впечатляет, – сказал он. – Жаль только, вы не начали осуществлять этот план пять лет назад.

– Мне тоже, – признался Алекс.

– Теперь же велика угроза, что едва вы приступите к своей программе, как разразится война.

Алекс лишь пожал плечами, и Уолден подумал: «Разумеется, он и намека себе не позволит, на какой стадии Россия может начать боевые действия».

– Прежде всего вам следовало бы увеличить калибр орудий своих броненосцев.

Алекс покачал головой.

– Наш третий по счету броненосец готов к спуску на воду. Четвертый строится быстрыми темпами. На обоих установлены двенадцатидюймовые пушки.

– Этого мало, Алекс. Черчилль настоял, чтобы наши дредноуты несли на себе пятнадцатидюймовые орудия.

– И он прав, черт возьми! Наше командование понимает это, но не наши политики. Вы же знаете Россию. Все новое у нас сначала встречают в штыки. Поэтому перевооружение так затягивается.

«Мы пока ходим вокруг да около», – подумал Уолден и спросил:

– Каковы ваши приоритеты?

– Первые сто миллионов рублей пойдут на нужды черноморского флота.

– Мне представляется, что Северное море значительно важнее. – «По крайней мере для Англии». Но озвучивать последнюю фразу Уолден не стал.

– Мы в значительно большей степени ориентированы на Азию, нежели вы. Наш заклятый враг – Турция, а не Германия.

– Но они могут заключить между собой союз.

– Такая возможность не исключена, но наша главная проблема в том, что флот не имеет выхода в Средиземное море.

Это уже звучало как вступление к заранее подготовленной речи. «Стало быть, мы скоро подойдем к сути дела». Алекс между тем продолжал:

– Пока турки держат в своих руках Константинополь и контролируют проливы, стратегически Черное море остается не более чем внутренним озером.

– И потому Российская империя уже не первое столетие стремится усилить свое влияние на юге.

– Заметьте, с полным правом. Мы – славяне, как и большинство народов на Балканах. И если они борются за национальную независимость, мы, естественно, поддерживаем эту борьбу.

– Понятно. Потому что, добившись независимости, они предоставят вашему флоту свободный проход в Средиземное море.

– Да, если славяне возьмут Балканы под свой контроль, это будет в наших интересах. Но наилучшей окажется ситуация, при которой контроль над регионом возьмет в свои руки сама Россия.

– Не сомневаюсь, но такая возможность представляется мне маловероятной.

– Но вы же можете хотя бы рассмотреть ее?

Уолден открыл было рот, чтобы заговорить, но осекся.

«Вот оно! – подумал он. – Это то, чего они добиваются, то вознаграждение, которое хотят получить. Но, видит Бог, мы не можем отдать России Балканы! И если судьба договоренности зависит от этого, значит, договориться не удастся...»

Алекс между тем подтвердил его опасения.

– Чтобы сражаться вместе с вами, мы должны быть сильны. И нуждаемся в более сильных позициях именно в том регионе, о котором зашла речь, а потому естественным образом ждем от вас помощи.

Откровеннее выразиться было невозможно: отдайте нам Балканы, и мы выступим на вашей стороне.

Уолдену пришлось сделать над собой усилие, чтобы собраться, изумленно вскинуть брови и ответить:

– Если бы Британия сама контролировала Балканы, мы могли бы – заметить, я говорю чисто теоретически, – передать их вам. Но мы не в состоянии отдать вам то, чего у нас попросту нет. Поэтому я не уверен в нашей способности помочь России, как ты выразился, усилить свои позиции в той части Европы.

Алекс отреагировал так быстро, словно отрепетировал разговор заранее.

– Но вы вполне способны добиться признания Балкан законной сферой российских интересов.

«А! Все не так уж и плохо, – подумал Уолден. – Вот это мы действительно можем попробовать».

Ощутив немалое облегчение, он все же напоследок решил проверить степень решимости Алекса, испытать его позицию на прочность.

– Мы, несомненно, могли бы отдать на Балканах предпочтение вам в ущерб Австрии и Турции.

Алекс покачал головой и твердо сказал:

– Этого слишком мало.

Что ж, попытка не удалась, но предпринять ее было необходимо. Несмотря на молодость и застенчивость, Алекс показал, что не поддастся на дипломатические уловки. Плохо, но ничего не поделаешь.

Уолдену требовалось время, чтобы все осмыслить. Если Британия примет российские условия, это окажет существенное влияние на расстановку политических сил, приведет к таким подвижкам в международных делах, которые, подобно сдвигам земной коры, могут вызвать землетрясения там, где их никто не ждет.

– Вероятно, вам необходимо проконсультироваться с Черчиллем, прежде чем мы сможем пойти дальше, – чуть заметно улыбнулся Алекс.

«Да, черт возьми, и тебе это прекрасно известно», – подумал Уолден. Он вдруг понял, как тонко провел Алекс первый раунд их переговоров. Сначала напугал Уолдена, выдвинув совершенно неприемлемые требования, а потом смягчил их до более реальных, и обрадованный Уолден почти согласился.

«Я рассчитывал, что смогу манипулировать Алексом, но в данном случае он манипулировал мной», – признал про себя граф, а вслух сказал:

– Ты не представляешь, как я горжусь твоими успехами, мой мальчик.

В то утро Максим понял, когда, где и как убьет князя Орлова.

План начал вырисовываться за чтением «Таймс» в библиотеке клуба на Джюбили-стрит. И отправной точкой послужила заметка в колонке «Светской хроники»:

«Вчера в Англию прибыл из Санкт-Петербурга князь Алексей Андреевич Орлов. На протяжении лондонского сезона он станет гостем графа и графини Уолден. Представление князя при дворе их величествам королю и королеве состоится 4 июня».

Теперь он достоверно знал, что в определенный день, в определенное время князь будет находиться в определенном месте. Подобного рода информация насущно необходима при тщательной подготовке покушения. Максим предполагал, что рано или поздно раздобудет такую информацию либо через слуг Уолдена, либо путем неусыпного наблюдения за Орловым и его регулярными маршрутами. Но с появлением этих сведений в «Таймс» полностью отпала необходимость рисковать, вступая в беседы с прислугой или ведя тайную слежку. Знал ли сам Орлов, что о его передвижениях совершенно свободно пишут в газетах, словно приманивая к нему убийц? «Это так типично для англичан», – подумал Максим.

Основной проблемой представлялось приближение к Орлову на достаточно близкое расстояние, чтобы убийство стало возможным. Таким, как Максим, вход в королевский дворец был закрыт. Но в «Таймс» он нашел способ справиться и с этой трудностью. На той же полосе, где печаталась «Светская хроника», между репортажем с бала, устроенного леди Бейли, и текстами завещаний недавно умерших представителей знати он обнаружил официальное сообщение:

«ИЗ ДВОРЦА СООБЩАЮТ

Новое в организации разъезда экипажей

С целью упорядочения прибытия и отъезда гостей из резиденции их величеств в Букингемском дворце мы уполномочены опубликовать нижеследующие новые правила.

Чтобы позднее вернуться за своими хозяевами в установленном порядке, возница каждого экипажа лиц, имеющих привилегированное право доступа со стороны Пимлико, должен предварительно оставить на посту констебля карточку с четко написанным именем джентльмена, владеющего транспортным средством. Это же относится к прибывающим через основные ворота – такая же карточка по приезде должна быть вручена констеблю, дежурящему слева от арки, ведущей в пределы площадки перед зданием дворца.

Дабы по окончании приема каждый экипаж был своевременно и в порядке очередности подан владельцу, настоятельно необходимо, чтобы при нем находился лакей, которому вменяется в обязанность неотлучно оставаться при входе и дожидаться, когда ему будет вручена карточка с именем хозяина. Именно на лакея затем возлагается ответственность за оперативную подачу экипажа к выходу.

Дворцовые двери для приема гостей будут отныне открываться в 8 часов 30 минут вечера».

Канцелярский стиль уведомления⁷ делал его смысл трудным для восприятия вообще, не говоря уже об иммигрантах, и Максиму пришлось перечитать текст несколько раз. После чего ему вроде бы стало понятно главное: как только группа гостей приближалась к выходу, их лакей должен был опрометью кинуться к экипажу, ожидавшему где-то в другом месте. В этом он и увидел свой шанс проникнуть либо внутрь кареты, либо на ее козлы.

Теперь оставалось решить только одну, но не менее важную задачу. Раздобыть пистолет.

Это не составило бы труда в Женеве, но пересекать вооруженным несколько границ было слишком рискованно: если бы его багаж обыскали, то наверняка отказали бы во въезде в пределы Великобритании.

Впрочем, он почти не сомневался, что найти пистолет в Лондоне – тоже пара пустяков. Он только пока не знал, как это сделать, и не мог себе позволить открыто наводить справки. Наблюдая за оружейными магазинами Вест-Энда, он обратил внимание, что все покупатели явно принадлежали к высшему сословию: даже будь у Максима нужная сумма, ему там все равно не продали бы ни один из выставленных на полках красавцев пистолетов, обладавших высочайшей точностью стрельбы. Кроме того, он провел немало времени, околавываясь в низкопробных пабах, где оружие наверняка переходило из рук в руки среди представителей преступного мира, но Максим ни разу не заметил, как это происходит, чему едва ли следо-

⁷ Здесь автор привел подлинный материал, опубликованный «Таймс» в июне 1914 года.

вало удивляться. Его единственной надеждой оставались анархисты. Он постоянно вступал в разговоры с теми из них, которые казались ему «серьезными людьми», но они никогда не поднимали тему оружия именно потому, что беседы происходили в присутствии Максима. Его проблема заключалась в том, что он прибыл совсем недавно и пока не заслуживал доверия. В среду анархистов то и дело засылали полицейских осведомителей, и хотя те по-прежнему охотно принимали в свой круг новичков, относились к ним все же с некоторой долей подозрительности.

Но теперь времени на осторожное прощупывание почвы уже не оставалось. Ему придется прямо задать вопрос, как раздобыть пистолет. Однако подойти к этому следовало аккуратно, а потом немедленно порвать все связи с Джюбили-стрит и перебраться в другую часть Лондона, где его невозможно будет отследить.

Поэтому он перенес свое внимание на молодых евреев-отщепенцев, обитавших на той же Джюбили-стрит. Это были сердитые, склонные к насилию парни. Они отказывались идти по стопам отцов и за гроши гнуть спины в мастерских Ист-Энда, где на самом деле шились костюмы, которые аристократы заказывали на Савил-роу⁸. И опять-таки, в отличие от своих папаш не принимали консервативных доктрин раввинов. Однако в большинстве своем они еще не определились, где искать решение своих проблем: в политике или в уголовщине.

Максим выделил из их ряда человека по имени Натан Сабелински. Ему было около двадцати, он обладал привлекательной внешностью с несомненными славянскими чертами в лице, носил высокие воротнички и желто-золотистую жилетку. Максим не раз замечал его в клубе анархистов, но чаще – среди нелегальных игроков, делавших ставки на Коммершиал-роуд: у него, стало быть, водились деньги не только на добротную одежду...

Он оглядел помещение библиотеки. Какой-то мужчина откровенно спал за столом, женщина в плотном пальто штудировала по-немецки «Капитал» и делала выписки, литовский еврей склонился над русскоязычной газетой, которую читал с помощью увеличительного стекла. Максим вышел на улицу, но не обнаружил поблизости ни самого Натана, ни его дружков. «Рановато для них, – понял он. – Если такие выходят на дело, то с наступлением темноты».

Максим вернулся в Данстен-Хаус. Сунул в чемоданчик бритву, смену чистого нижнего белья и единственную запасную рубашку. Потом разыскал Милли, жену Рудольфа Рокера, и сообщил ей:

– Я нашел себе другое жилье. Вечером зайду попрощаться и поблагодарить Рудольфа.

Затем он привязал чемодан к багажнику велосипеда и поехал сначала на запад к центру Лондона, а потом взял севернее в сторону Камден-тауна. Здесь он нашел улицу, застроенную высокими и когда-то вполне приличными домами, где изначально жили семьи среднего класса, перебравшиеся теперь в пригороды, поближе к станциям вновь проведенных линий метро. В одном из этих сильно обветшавших строений он снял грязноватую комнату, заплатив хозяйке-ирландке по имени Бриджет десять шиллингов квартплаты за две недели вперед.

К полудню он уже снова был в Степни рядом с домом Натана на Сидней-стрит – вполне заурядным для этого района зданием с двумя комнатами внизу и двумя наверху. Входная дверь стояла распахнутой. Максим вошел.

Шум и вонь ударили по органам чувств прямо с порога. В одной из небольших комнат первого этажа человек пятнадцать, если не все двадцать, занимались портняжным делом. Мужчины сидели за швейными машинками, женщины шили вручную, дети гладили готовые детали одежды. От гладильных досок поднимался пар, смешиваясь с густым запахом пота. Машинки стрекотали, утюги шипели, а работники неумолчно болтали между собой на идиш.

⁸ Улица в центре Лондона, вдоль которой по традиции до сих пор располагаются ателье самых модных и дорогих портных.

Раскроенные и готовые к шитью куски ткани кипами лежали на каждом свободном участке пола. На Максима никто не обратил внимания – работа шла с поразительной скоростью.

Он сам заговорил с сидевшей ближе всех к двери девушкой, ухитрявшейся держать у груди младенца и пришивать пуговицы к рукаву пиджака.

– Натан здесь? – спросил он.

– Наверху, – ответила она, ни на секунду не отвлекаясь.

Максим вышел и поднялся по узкой лестнице. В каждой из двух небольших спален стояло по четыре кровати, и почти все были заняты – очевидно, на них отсыпались работники ночной смены. Натана он нашел сидящим на краю постели и застегивающим ворот сорочки.

– Максим? С чем пожаловал? – спросил тот вместо приветствия.

– Нужно поговорить, – сказал Максим на идиш.

– Ну, так говори.

– Лучше сначала выйдем отсюда.

Натан накинул пальто, они вышли на Сидней-стрит и встали на солнцепеке под открытым окном «пошивочного цеха», шум которого делал их разговор неслышным для окружающих.

– Вот тебе предприятие моего отца, – сказал Натан. – Он платит пять пенсов за раскрой и шитье костюма. Потом еще три за глажку и пуговицы. А готовое изделие отнесет к портному в Вест-Энде, с которого получит девять пенсов. Доход с каждого костюма, таким образом, составляет ровно пенни – едва хватит на краюху хлеба. А посмеет потребовать с портного увеличить плату, его вышвырнут из этой мастерской и работа достанется одному из десятков евреев, которые уже ждут со швейными машинками наготове. Лично я не желаю владеть такое существование.

– И поэтому подался в анархисты?

– Эти люди шьют самые элегантные костюмы в мире, а во что одеты они сами?

– И в чем же ты видишь способ изменить такое положение? В вооруженной борьбе?

– Да, только насильственным путем можно что-то поменять к лучшему.

– Я был уверен, что мы с тобой мыслим одинаково, Натан. Послушай, мне нужен пистолет.

– Зачем он тебе понадобился? – спросил Натан с нервным смехом.

– А для чего анархисту оружие?

– Для чего же?

– Чтобы грабить воров, чтобы подавлять тиранов, чтобы расправляться с убийцами.

– И чем конкретно собираешься заняться ты?

– Я могу посвятить тебя в детали... Но уверен ли ты, что хочешь знать об этом?

Натан поразмыслил над его словами и сказал:

– Отправляйся в паб «Сковородка» на углу Брик-лейн и Троул-стрит. Обратись к Карлику Гарфилду.

– Спасибо! – отозвался Максим, не в силах скрыть радости в голосе. – Сколько он с меня запросит?

– За самопал возьмет пять шиллингов.

– Мне нужно что-нибудь более надежное.

– Настоящие пистолеты недешевы.

– Придется поторговаться. – Максим с чувством пожал Натану руку.

Когда он уже садился на велосипед, Натан бросил вслед:

– Быть может, я и спрошу у тебя как-нибудь потом, зачем тебе оружие.

– Не придется, – улыбнулся Максим. – Прочитаешь обо всем в газетах.

И, махнув рукой на прощание, укатил прочь.

Он крутил педалями вдоль Уайтчепел-роуд, Уайтчепел-Хай-стрит, а затем свернул на Осборн-стрит. И сразу оказался чуть ли не в другом городе. Это были самые запущенные из всех кварталов Лондона, в которых ему только доводилось бывать до сих пор. Узкие улицы с грязными мостовыми, воздух пропитан гарью и вонью, а местное население – голь пережатая. Сточные канавы плотно забиты нечистотами. Но, несмотря на все это, здесь бурлила активная жизнь. Сновали туда-сюда мужчины с тележками, рядом с уличными лотками собирались толпы, проститутки обосновались на каждом углу, а плотники и обувщики работали, пристроившись прямо на тротуарах.

Максим оставил велосипед у дверей «Сковородки» – если его угонят, что ж, придется добыть себе другой. Чтобы войти внутрь паба, пришлось перешагнуть черездохлую кошку. Заведение состояло из одного зала с низким потолком и голыми стенами со стойкой в дальнем углу. Мужчины и женщины в возрасте сидели по лавкам, а молодежь кучковалась, стоя в центре зала. Максим подошел к стойке и заказал стакан эля с холодной сарделькой.

Только приглядевшись внимательнее, он заметил Карлика Гарфилда. Он не сразу отличил его от других здешних выпивох, потому что маленький человечек примостился на высоком стуле. При огромной голове и помятом пожилom лице роста в нем было от силы четыре фута. Рядом с его стулом сидела большая черная собака. Разговаривал он с двумя крупными и сильными с виду мужчинами, одетыми в кожаные жилеты и рубахи без воротников, с виду походившими на телохранителей. Выглядели они вроде бы грозно, но Максим сразу заметил их отвислые животы и усмехнулся про себя: «С такими я справляюсь одной левой». Охранники отхлебывали из огромных кружек эль, но сам карлик пил нечто похожее на джин. Бармен подал Максиму его напиток и еду.

– А теперь дайте мне вашего лучшего джина, – распорядился тот.

Сидевшая за стойкой молодая особа обернулась и спросила:

– Это, случайно, не для меня?

Она кокетливо улыбнулась, обнажив гнилые зубы, и Максим отвернулся.

Когда джин принесли, он расплатился и подошел к группе, расположившейся у небольшого окошка, выходившего на улицу. Максим встал так, чтобы находиться между ними и дверью, и обратился к карлику:

– Мистер Гарфилд?

– А кому он понадобился? – ответил тот вопросом на вопрос скрипучим голосом.

Максим поставил перед ним стакан сджином.

– Могу я поговорить с вами о делах?

Гарфилд взял стакан, одним глотком опустошил его и отрезал:

– Нет.

Максим отпил своего эля, более сладкого и не такого пенистого, как швейцарское пиво, и сказал:

– Я хочу купить пистолет.

– Тогда не пойму, зачем ты явился именно сюда.

– Мне порекомендовали обратиться к вам в клубе на Джюбили-стрит.

– Ты, стало быть, анархист?

Максим промолчал. Гарфилд оглядел его снизу доверху.

– Какой пистолет тебе нужен, если предположить, что у меня есть оружие?

– Револьвер. Хороший револьвер.

– Например, семизарядный «браунинг»?

– Это было бы отлично.

– Но у меня его нет. А если бы и был, я бы его не продал. Ну, а уж в том случае, если пришлось бы продать, попросил бы за него пять фунтов.

– Но мне сказали, что он стоит максимум фунт.

– Значит, тебе соврали.

Максим обдумал положение. Карлик явно решил, что иностранца анархиста легко обвести вокруг пальца. «Хорошо, – принял он решение, – сыграем в твою игру».

– Но я могу себе позволить только два фунта.

– Я не сброшу цену ниже четырех.

– А в стоимость входит коробка патронов?

– Ладно, уговорил. За четыре фунта получишь еще и патроны.

– Согласен, – кивнул Максим, не преминув заметить, как один из телохранителей подавил ухмылку. После расчета за напитки и еду в кармане у Максима оставалось всего три фунта, пятнадцать шиллингов и пенни.

Гарфилд между тем кивком отдал приказ одному из своих людей. Мужчина обогнул стойку бара и нырнул в расположенную за ней дверь. Максим не спеша доел сардельку. Через пару минут охранник вернулся, держа в руках нечто напоминавшее моток тряпок. Он бросил взгляд на Гарфилда, который снова кивнул. Мужчина передал сверток Максиму.

Тот разматал тряпки, обнаружив под ними револьвер и маленькую коробочку. Потом взял револьвер и стал его рассматривать.

– Спрячь-ка ствол побыстрее, – сказал Гарфилд. – Не хрен показывать его всем подряд.

Оружие было в хорошем состоянии – начищено, смазано и механизм срабатывал мягко.

– Если я не пощупаю его, откуда мне знать, что товар добротный?

– Здесь тебе не «Хэрродс»⁹.

Максим открыл коробку и быстрыми отработанными движениями полностью зарядил барабан.

– Убери треклятую пушку с глаз долой! – снова зашипел Гарфилд. – Плати быстрее деньги и вали отсюда к чертовой матери! Ты что, чокнутый?

От напряжения у Максима перехватило горло, и он с трудом сглотнул. Потом шагнул назад и направил револьвер на лилипута.

– Иисус, Мария и святой Иосиф... – пробормотал тот.

– Мне проверить, как работает револьвер? – спросил Максим.

В этот момент два телохранителя внезапно разошлись, и Максим уже не мог одновременно держать на мушке обоих. У него заныло под ложечкой – он не ожидал от них такой тактической выучки. Еще секунда, и они с двух сторон набросятся на него. В пабе вдруг установилась мертвая тишина. Максим понял, что ему не добраться до двери раньше одного из охранников. Почуввав в воздухе напряжение, зарычала собака карлика.

И тогда Максим с улыбкой пальнул в пса.

Звук выстрела в относительно небольшом зале оказался оглушительным. Никто не двигался с места. Собака распласталась на полу в луже крови. Телохранители Гарфилда словно приросли к полу.

Максим сделал еще шаг назад, нашарил за спиной ручку двери, открыл ее, так и не отводя ствола от карлика, и стремительно выскочил наружу.

Он захлопнул за собой дверь, сунул револьвер в карман пальто и оседлал велосипед.

Позади него дверь паба снова распахнулась. Он оттолкнулся и надавил на педали. Кто-то попытался ухватить его за рукав пальто. Но он вырвался и принялся вращать педали все быстрее. Грохнул выстрел – он инстинктивно пригнулся. Кто-то громко кричал. Обогнув палатку мороженщика, Максим свернул за угол. Теперь уже где-то вдалеке слышался свисток полицейского. Он обернулся. За ним никто не бежал.

Еще несколько мгновений, и Максим окончательно затерялся в лабиринте закоулков Уайтчепела.

⁹ Самый известный и дорогой из лондонских универмагов.

«У меня осталось шесть патронов», – удовлетворенно подумал он.

Глава третья

Шарлотта была готова. Платье, с которым они столько мучились, сидело идеально. В дополнение к нему она приколотла к корсажу бледно-алую розу, а в руках держала ветку таких же цветов, обернутую шифоном. Ее бриллиантовая диадема превосходно смотрелась на высоко взбитой прическе, обрамленная двумя белыми перьями. Все складывалось как нельзя лучше.

Но при этом ею владел жуткий страх.

– Когда я войду в тронный зал, – говорила она Марии, – у меня отвалится шлейф, тиара сползет на глаза, волосы растреплются, перья растопырятся в стороны, я запутаюсь в подоле платья и со всего размаху шлепнусь на пол. Собравшиеся просто зайдутся от смеха, а громче всех будет хохотать ее величество королева. Я выбегу из дворца в парк и утоплюсь в пруду.

– Ты не должна допускать подобных мыслей, – строго ответила Мария, а потом, смягчившись, добавила: – Ты будешь там самой прелестной из всех.

В спальню вошла мать Шарлотты. Взяв дочь за плечи, она осмотрела ее с расстояния вытянутых рук.

– Как же ты красива, моя дорогая! – сказала она и поцеловала ее.

Шарлотта обняла Лидию за шею и прижалась щекой к ее щеке, как делала в детстве, наслаждаясь бархатистой нежностью маминой кожи. Отстранившись, она с удивлением заметила в глазах матери влагу, подозрительно похожую на слезы.

– Ты тоже очень красива, мама.

На Лидии было платье из тончайшего атласа цвета слоновой кости со шлейфом из парчи в тон, но чуть более темной, отороченной пурпурным шифоном. Как замужней даме, ей полагалось вплести в волосы три пера, на одно больше, чем Шарлотте. Ее букет состоял из цветов душистого горошка и розовых петуний.

– Ты готова? – спросила она.

– Я уже сто лет как готова, – ответила Шарлотта.

– Тогда подбери свой шлейф.

Шарлотта сделала это, как ее учили.

Мать одобрительно кивнула.

– Поехали?

Мария открыла дверь. Шарлотта отступила чуть в сторону, чтобы пропустить вперед Лидию, но та возразила:

– Нет-нет, милая! Сегодняшняя ночь – твоя.

И они прошли по коридору в сторону лестницы, сопровождаемые Марией. Как только Шарлотта показалась на верхней ступеньке, раздались громкие аплодисменты.

Вся прислуга собралась у подножия лестницы: экономка, повариха, лакеи, горничные, уборщицы, конюхи и садовники с мальчиками-подручными. Десятки лиц были устремлены на нее, исполненные радости и гордости. Шарлотту эта сцена тронула до глубины души – она даже не подозревала, что и для этих людей сегодняшний день – особенный.

В центре, возвышаясь над всеми, стоял отец, великолепный в черном бархатном фраке, бриджах до колен, шелковых чулках, со шпагой у пояса и шляпой-треуголкой в руках.

Шарлотта медленно спустилась по лестнице.

Папа поцеловал ее со словами:

– И это моя маленькая девочка!

Кухарка, знавшая ее достаточно давно, чтобы позволить себе некоторую вольность, тронула Шарлотту за рукав платья и прошептала:

– Вы у нас просто загляденье, миледи.

Шарлотта сжала ее руку.

– Спасибо, миссис Хардинг.

Алекс склонил перед ней голову. Он тоже выглядел ослепительно в форме адмирала российского флота. «До чего же красив, – подумала Шарлотта. – Будет странно, если ни одна девушка не влюбится в него уже нынешним вечером».

Двое лакеев распахнули створки парадной двери дома. Отец взял Шарлотту под локоть и мягко направил к выходу. За ними последовала Лидия под руку с Алексом. А у Шарлотты мелькнула мысль: «Нужно постараться ничем не забивать себе сейчас голову, покорно идти туда, куда меня поведут, и все будет хорошо».

Снаружи ждала карета. Кучер Уильям и лакей Чарлз стояли навтыжку по обе стороны двери в ливреях цветов графов Уолденов. Плотного сложения, суть сидящий Уильям казался совершенно спокойным, но Чарлз был явно взволнован. Отец помог Шарлотте подняться в карету, где она грациозно откинулась на подушки сиденья и невольно подумала: «Пока мне удастся не спотыкаться».

За ней последовали остальные. Притчард принес корзину с продуктами и поставил на пол кареты, прежде чем закрыть дверь.

Экипаж тронулся в путь.

Шарлотта посмотрела на корзину.

– У нас будет пикник? – спросила она. – Но нам же ехать всего ничего!

– Подожди. Ты еще не представляешь, какая там очередь, – сказал Стивен. – Чтобы попасть во дворец, потребуется не меньше часа.

А до Шарлотты впервые дошло, что чем дальше, тем больше она будет не нервничать, а попросту скучать.

Конечно, отец оказался прав. Их экипажу пришлось остановиться в дальнем конце Мэлл со стороны Адмиралтейства, откуда до Букингемского дворца оставалось еще не менее полумили. Стивен достал бутылку шампанского. В корзине для них были приготовлены сэндвичи с курицей, пирожные и парниковые персики.

Шарлотта отпила из своего бокала немного шампанского, но есть ей не хотелось. Она посмотрела в окно. На тротуаре толпились зеваки, пришедшие взглянуть, как выстраиваются в очередь даже сильные мира сего. Она сразу обратила внимание на высокого мужчину с худощавым привлекательным лицом, который стоял, опершись на велосипед, и пристально разглядывал их карету. Что-то в его облике заставило Шарлотту поежиться и отвести взгляд.

После трогательной церемонии отъезда из дома праздное ожидание подействовало на нее успокаивающе. К тому времени, когда их экипаж миновал наконец дворцовые ворота и подкатил к величественному входу, она уже почти полностью стала самой собой – то есть девушкой скептически настроенной, не признающей авторитетов и немного нетерпеливой.

Карета остановилась, дверь открылась. Шарлотта, левой рукой поддерживая шлейф, а правой чуть приподняв нижние юбки, вышла из экипажа и прошествовала внутрь дворца.

Просторный, покрытый красным ковром вестибюль ослеплял ярким светом и игрой красок. Несмотря на весь свой скептицизм, она невольно ощутила прилив волнения при виде целой толпы женщин в белых нарядах и мужчин в сверкающих мундирах. Искрились бриллианты, клацали ножны шпаг, покачивались плюмажи. В углах по стойке смирно стояли одетые в красное бифитеры¹⁰.

Шарлотта и Лидия оставили свои верхние накидки в гардеробной и, сопровождаемые Стивеном и Алексом, снова прошли через вестибюль и поднялись вверх по лестнице, вдоль которой выстроилась йоменская стража¹¹ с алебардами и были выставлены корзины

¹⁰ Королевские лейб-гвардейцы, которые в настоящее время в основном составляют охрану Тауэра.

¹¹ Бывшие личные телохранители королей, которые в наши дни используются только в церемониальных целях.

с невероятным количеством алых и белых роз. Миновав картинную галерею, они попали в первую из трех дворцовых гостиных с огромными канделябрами и начищенным до зеркального блеска паркетом. Здесь шествие заканчивалось, и гости просто стояли, разбившись на группы, беседуя и не устывая восхищаться нарядами друг друга. Шарлотта сразу заметила свою кузину Белинду рядом с дядей Джорджем и тетей Клариссой. Две семьи обменялись приветствиями.

Дядя Джордж был одет почти в точности как отец, но, будучи тучен и краснолиц, выглядел в своем мундире просто нелепо. Шарлотте стало любопытно, как чувствует себя Кларисса – такая молодая и хорошенькая, – являясь женой этого неуклюжего толстяка.

Папа между тем оглядывал зал, словно кого-то выискивал.

– Ты не видел здесь Черчилля? – спросил он Джорджа.

– Боже милостивый, зачем он тебе понадобился?

Стивен посмотрел на часы.

– Нам пора занять свои места в тронном зале, – сказал он. – С твоего позволения, Кларисса, я оставлю Шарлотту под вашим присмотром.

Затем папа, мама и Алекс удалились.

– У тебя шикарное платье, – шепнула Шарлотте Белинда.

– Только жутко неудобное.

– Так и знала, что ты это скажешь!

– Ты необычайно хороша сегодня.

– Спасибо. – Белинда понизила голос. – Послушай, этот ваш князь Орлов такой импозантный.

– Да, он очень мил.

– Мне кажется, что мил – это не то слово.

– Что за странный блеск я замечаю в твоих глазах?

– Мне нужно с тобой серьезно поговорить, – прошептала Белинда едва слышно.

– О чем?

– Помнишь, что мы обсуждали в твоём убежище, когда взяли те книжки из библиотеки Уолден-Холла?

Шарлотта бросила взгляд в сторону своих дяди и тети, но те даже не смотрели в их сторону, занятые разговором с темнокожим господином в розовом атласном тюрбане.

– Конечно, помню.

– Так вот – об этом же.

Но внезапно наступила полная тишина. Толпа расступилась, образовав в центре гостиной проход. Шарлотта оглянулась и увидела, как в зал вошла королевская чета в сопровождении пажей, нескольких членов монаршей семьи и индийца-телохранителя.

По комнате подобно громкому вздоху пронесся шелест шелка, потому что все женщины одновременно склонились в глубоком реверансе.

В тронном зале оркестр, невидимый на «Галерее менестрелей», грянул «Боже, храни короля». Лидия посмотрела в сторону двери, охраняемой раззолоченными великанами. Сначала показались двое пятившихся слуг. Один из них нес золотой жезл, второй – серебряный. Затем величавой поступью с легкими улыбками на устах вошли король и королева. Они поднялись на подиум и встали спиной к двум расположенным рядом тронам. Их эскорт равномерно распределился вокруг возвышения, тоже оставаясь на ногах.

На королеве Мэри было платье из золотой парчи и корона, инкрустированная изумрудами. «Она далеко не красавица, – подумала Лидия, – но, по слухам, король ее обожает». В свое время она была помолвлена со старшим братом своего нынешнего мужа, но когда тот умер от воспаления легких, мгновенно переключила внимание на следующего наследника

престола, что многим показалось холодным расчетом. Однако теперь общественное мнение единодушно признало, что из нее получилась хорошая королева и преданная жена. Лидии искренне хотелось бы познакомиться с ней поближе.

Началась церемония представлений. Одна за другой вперед выходили жены послов, кланялись королю, затем королеве и возвращались на свои места. Затем их сменили сами послы, разодетые в разнообразные, порой почти опереточные мундиры, за исключением посла США, надевшего к случаю обычный черный фрак, словно для того, чтобы лишний раз напомнить, что американцы не придают значения подобной церемониальной мишуре.

Пока тянулся этот ритуал, у Лидии было время осмотреть в деталях тронный зал с его покрытыми малиновым атласом стенами, героическим фризом под потолком, огромными люстрами и буквально тысячами цветов повсюду. Ей нравились помпезные ритуалы, красивые наряды и тщательно регламентированные церемонии; они одновременно и волновали ее, и успокаивали нервы. Она встретила взглядом с герцогиней Девонширской, личной камердинершей королевы, и обменялась с ней сдержанными улыбками. Потом она заметила в толпе Джона Бернса – первого социалиста, ставшего министром торговли, и поразились роскошному золотому шитью на его костюме.

Когда представление дипломатического корпуса подошло к концу, король и королева сели. Члены королевской семьи, дипломаты и самые старшие из аристократов последовали их примеру. Лидия, ее муж, как и прочая более мелкая знать, продолжали оставаться на ногах.

Наконец началось представление дебютанток. Каждая из девушек должна была на секунду замереть на пороге тронного зала, чтобы паж снял ее шлейф с руки и растянул позади нее. А затем начинался долгий проход по красному ковру к тронам под пристальными взглядами всех собравшихся. И если девушка проявляла всю свою элегантность и природную свободу движений при таких обстоятельствах, она могла потом проделать это где угодно.

Приблизившись к подиуму, дебютантка передавала свое приглашение лорду-камергеру, который оглашал ее имя. Она делала реверансы в сторону короля и королевы. «Увы, – отметила про себя Лидия, – у очень немногих девушек это выходит грациозно». У нее самой возникло немало сложностей, когда она упорно репетировала эти движения с Шарлоттой, и, вероятно, через то же прошли и матери остальных дебютанток. Поклонившись, девушка продолжала движение, тщательно следя, чтобы ни на секунду не оказаться спиной к монаршим тронам, и сливалась с толпой вдоль стен зала.

Дебютантки следовали одна за другой так быстро, что у каждой возникала опасность наступить на шлейф впереди идущей. Вся нынешняя церемония показалась Лидии начисто лишеной личностного начала и более формальной, чем прежде. Сама она представлялась королеве Виктории в сезон 1896 года вскоре после свадьбы с Уолденом. Тогда она должна была целовать королеве руку. Теперь же такую важную часть ритуала упразднили, вероятно, для экономии времени. И это превращало зал в подобие фабричного конвейера, предназначенного для того, чтобы пропустить максимальное число дебютанток как можно быстрее. Но представлявшиеся сегодня девушки об этом не знали, а если бы и знали, вряд ли бы расстроились.

Внезапно в проеме двери показалась Шарлотта, паж растянул ее шлейф едва заметным прикосновением отправил в путь, и она пошла по красному ковру, высоко держа голову, исполненная, как показалось Лидии, искренней серьезности и уверенности. И матери подумалось: «Вот момент, ради которого я жила!» Девушка, шедшая впереди Шарлотты, уже склонилась в поклоне королю, когда случилось нечто совершенно невообразимое.

Вместо того чтобы, распрямившись, закончить реверанс, дебютантка пристально посмотрела на короля, умоляющим жестом простерла в его сторону руки и громко выкрикнула:

– Ваше величество, во имя всего святого, прекратите пытаться несчастных женщин!
«О Боже! Это суффражистка», – поняла Лидия.

И вновь посмотрела на дочь. Шарлотта застыла на полпути к подиуму, глядя на разыгравшуюся сцену с ужасом на побледневшем лице.

Но шок, воцарившийся в приумолкшем зале, продлился едва ли мгновение. Первыми нашлись двое камер-юнкеров. Они бросились вперед, крепко взяли девушку под руки и довольно бесцеремонно вывели из помещения.

Королева заметно покраснела. Королю удалось сделать вид, что ничего не произошло. Лидия не сводила глаз с Шарлотты, думая: «Ну почему это должно было случиться перед представлением моей дочери?»

Впрочем, теперь на Шарлотту устремились все взоры. Лидии хотелось крикнуть: «Не подавай вида, что смущена, просто заверши церемонию!»

Шарлотта продолжала стоять неподвижно, но румянец уже вернулся на ее щеки. Лидия заметила, как она глубоко втянула в себя воздух.

Затем девушка пошла дальше. У Лидии перехватило дыхание. Шарлотта передала свое приглашение лорду-камергеру, который произнес:

– Представляется леди Шарлотта Уолден.

Шарлотта уже стояла перед королем.

«Осторожно!» – мысленно предостерегла ее мать.

Реверанс дался ей легко и непринужденно.

Потом поклон королеве.

Легкий разворот корпуса и грациозный уход от подиума.

Лидия вздохнула с облегчением.

Стоявшая рядом дама – баронесса, которую она уже встречала, но толком не знала, – прошептала:

– Эта девочка все сделала просто превосходно.

– Это моя дочь, – расплылась в улыбке Лидия.

Втайне от всех Уолден восхищался поступком суффражистки. «Какая смелая девушка!» – мысленно признал он. Конечно, если бы нечто подобное выкинула при дворе Шарлотта, он пришел бы в неопиcуемый ужас, но поскольку то была чужая дочь, отнесся к инциденту как к забавной интермедии посреди бесконечно скучной церемонии. Он, конечно же, отметил выдержку и изящество дочери, но воспринял все спокойно – ничего другого он от нее и не ожидал. Шарлотта – весьма уверенная в себе молодая аристократка, и, по его мнению, вместо бесконечного волнения Лидии, воспитавшей такую дочь, следовало просто гордиться собой.

Много лет назад Уолден получал от подобных ритуалов огромное удовольствие. Молодым человеком он любил приодеться в дворцовый мундир и показать себя. Тогда и ноги служили безотказно. А сейчас ему казалось, что он выглядит глуповато в брюках до колен и шелковых чулках, не говоря уже об этой чертовой тяжелой шпаге, болтавшейся сбоку. К тому же он так часто бывал при дворе раньше, что никакой самый экзотический карнавал уже не привлек бы его.

Интересно, как только все это выносит король Георг? – подумал он. Монарх импонирует Уолдену. Конечно, в сравнении с покойным батюшкой Эдуардом VII Георг выглядел несколько бесцветным и мягкотелым. Этого короля простолюдины никогда не будут звать между собой «наш старый добрый Джорджи», подобно тому, как вслед отцу с тротуаров

неслось: «Да здравствует наш старый добрый Тедди¹²!» Но рано или поздно все оценят тихое обаяние и скромный образ жизни Георга. Он умел проявлять твердость характера, хотя до сих пор пускал ее в ход крайне редко, а Уолдену нравились мужчины, умевшие настоять на своем. И посему он считал, что царствование Георга войдет в историю как славный период.

Наконец была представлена последняя дебютантка, и чета монархов поднялась с тронов. Оркестр снова заиграл национальный гимн. Король поклонился сразу всем, а королева раскланялась сначала с послами, потом с их женами, с герцогинями и, в последнюю очередь, – с министрами. Король взял королеву за руку. Пажи подхватили ее шлейф. Слуги попятились к двери. И чета монархов вышла, после чего вслед за ней в строго установленной очередности зал стали покидать все прочие.

Приглашенных рассадили к ужину в трех разных столовых: одна предназначалась для короля с королевой, их ближайших родственников и друзей, вторая вместила в себя дипломатов, а в третью направились остальные. Уолден числился среди друзей, но не был достаточно близок к королю и потому оказался в третьем зале. Алекс должен был ужинать с дипломатами.

За ужином граф воссоединился с членами своей семьи. Лидия так и сияла.

– Поздравляю с успешным дебютом, Шарлотта, – сказал отец.

– Что это была за мерзкая девица? – спросила Лидия.

– Я слышал, кто-то говорил, что она дочь архитектора, – ответил Уолден.

– Тогда все понятно, – кивнула жена.

– Почему тогда все понятно? – недоуменно поинтересовалась Шарлотта.

Уолден улыбнулся ее наивности.

– Твоя мама имеет в виду, что она с нами не одного поля ягода.

– Но почему она считает, что король пытается женщин?

– Она имела в виду суфражисток. Но давайте не будем портить подобными разговорами столь незабываемый вечер. Приступим к ужину. Все выглядит так аппетитно!

В зале был установлен длинный стол, весь в цветах, но главное – в холодных и горячих блюдах. Слуги в красных с золотом королевских ливреях раскладывали по тарелкам гостей омаров, филе форели, жареных перепелов, йоркскую ветчину, яйца ржанки, разнообразнейшие пироги и десерты. Уолден наполнил тарелку и присел, чтобы насладиться едой. Простояв на ногах в тронном зале более двух часов, он зверски проголодался.

«Рано или поздно, – размышлял он, – Шарлотта узнает все о суфражистках, их голодовке и насильственном кормлении, но сей предмет, мягко выражаясь, настолько не деликатного свойства, что чем дольше она останется в блаженном неведении, тем лучше для нее. В этом возрасте ее жизнь должна состоять из увеселений и пикников, платьев и шляпок, сплетен и флирта».

Однако вокруг только и было разговоров что про «инцидент» и «ту девушку». Брат Уолдена Джордж сел с ним рядом и без предисловий стал рассказывать:

– Это была мисс Мэри Бломфилд, дочь покойного сэра Артура Бломфилда. Ее мать в тот момент находилась в гостинной. Когда ей рассказали, какой фортель выкинула ее дочь, мамаша в ту же секунду лишилась чувств.

Казалось, он смаковал каждую подробность скандала.

– А что еще оставалось делать на ее месте, сам подумай, – заметил Уолден.

– Позор на всю семью, – продолжал Джордж. – Теперь мы не увидим никого из Бломфилдов при дворе на протяжении нескольких поколений.

– Для нас невелика потеря.

– Согласен.

¹² Уменьшительное от английского имени Эдуард.

В этот момент Уолден заметил, как сквозь толпу гостей в их сторону пробирается Черчилль. Он написал Черчиллю о начале своих переговоров с Алексом и с нетерпением ждал возможности обсудить дальнейшие шаги... Но не здесь и не сейчас. Он отвернулся, надеясь, что Черчилль поймет намек. Но ему ли было не знать, что молодому члену кабинета министров столь тонкие нюансы совершенно непонятны?

Черчилль оперся на спинку кресла Уолдена.

– Не могли бы мы перекинуться парой слов с глазу на глаз?

Стивен бросил взгляд на брата. Джордж в шутку напустил на себя испуганный вид. Не реагируя на его юмор, Уолден поднялся.

– Давайте пройдем в картинную галерею, – предложил Черчилль.

Уолден последовал за ним.

– Полагаю, вы и эту выходку суффражистки тоже поставите в вину либеральной партии? – спросил Черчилль.

– Непременно, – отозвался собеседник, – но едва ли вы хотели так срочно поговорить только об этом?

– Естественно, нет.

Мужчины медленно пошли вдоль тянувшейся вдаль галереи.

– Мы не можем признать Балканы зоной особого влияния России, – сказал Черчилль.

– Я опасался такого ответа, но был готов к нему.

– На кой черт им сдались Балканы? Не принимать же всерьез всю эту болтовню про славянскую солидарность?

– Им нужен свободный выход в Средиземное море.

– Но ведь это и в наших интересах, если мы станем союзниками.

– Совершенно верно.

Они дошли до конца галереи и остановились.

– Существует ли способ предоставить им доступ в Средиземноморье, не перекраивая при этом карту Балканского полуострова?

– Я много размышлял об этом.

Черчилль улыбнулся.

– И я почти не сомневаюсь, что у вас уже готово контрпредложение.

– Да, готово.

– Не сочтите за труд изложить его.

– По сути, мы сейчас ведем речь всего лишь о трех небольших проливах, – начал Уолден. – Это Босфор, Мраморное море и Дарданеллы. Если мы откроем их для русских, Балканы станут им не нужны. Теперь давайте предположим, что этот проход из Черного моря в Средиземное объявляется свободным для международного судоходства и им смогут пользоваться суда под любыми флагами, а гарантами такого статуса станут совместно Россия и Англия.

Черчилль медленно пошел обратно, погруженный в задумчивость. Уолден не отставал от него в ожидании ответа.

После некоторой паузы Черчилль сказал:

– Но ведь эти проливы нам следует сделать зоной свободного судоходства в любом случае. Таким образом, вы подаете в виде большой уступки с нашей стороны то, к чему мы стремимся сами.

– Верно.

Черчилль поднял на него взгляд и ухмыльнулся.

– Да-а... Когда дело доходит до хитроумных ходов в духе Макиавелли, никто не сравнится с английской аристократией. Отлично! Продолжайте переговоры с Орловым и сделайте ему такое предложение.

– И вы не хотите сначала обсудить данный вопрос на заседании кабинета министров?

– Нет.

– Или хотя бы проконсультироваться с министром иностранных дел?

– Не на этой стадии. Русские наверняка захотят внести в договор свои поправки. По меньшей мере будут настаивать на уточнениях, каким образом два государства смогут обеспечить обещанные гарантии. А потому мне лучше представить кабинету полностью готовый вариант соглашения.

– Что ж, вам виднее, – сказал Уолден, гадая, насколько правительство вообще в курсе планов Черчилля. Тот ведь тоже усвоил уроки Макиавелли. Не могло ли здесь таиться подводных камней?

– Где сейчас Орлов? – спросил Черчилль.

– Ужинает с дипломатическим корпусом.

– Давайте найдем его и изложим новые предложения не мешкая.

Уолден покачал головой. «Насколько же правы те, кто считает Черчилля излишне импульсивным», – подумал он.

– Сейчас для этого не самый подходящий момент.

– Мы не можем ждать нужного момента, Уолден. У нас каждый день на счету.

«На меня пытались давить особы и поважнее тебя», – подумал граф, а вслух сказал:

– Вам придется предоставить судить об этом мне, Черчилль. Я продолжу переговоры с Орловым завтра утром.

Черчилль явно готовился настаивать, но пришлось сдержаться.

– Надеюсь, Германия не объявит нам войну этой ночью. Хорошо, будь по-вашему. – Он посмотрел на часы. – Мне пора уезжать. Держите меня постоянно в курсе дела.

– Непременно. Всего хорошего.

Черчилль спустился по лестнице, а Уолден вернулся в столовую. Прием подходил к концу. Теперь, когда король и королева удалились в свои покои, а гости были накормлены, задерживаться дольше не имело смысла. Уолден собрал свою семью, и они сошли в вестибюль, где встретили Алекса.

Пока женщины одевались в гардеробной, Уолден попросил одного из слуг вызвать их карету.

«В целом вечер сложился довольно удачно», – размышлял он ожидая.

Мэлл чем-то напомнила Максиму один из кварталов, прилегавших к Московскому Кремлю. Это была широкая и прямая улица, протянувшаяся от Трафальгарской площади к королевской резиденции. По одну ее сторону располагались богатые дома, среди которых выделялся Сент-Джеймский дворец, по другую – обширный парк. Кареты и автомобили знати двумя рядами выстроились вдоль Мэлл примерно до ее середины. Шоферы и кучера стояли, прислонившись к своим авто и экипажам, позевывая и коротая время, пока их не вызовут, чтобы забрать из дворца хозяев или хозяек.

Экипаж Уолденов дожидался у тротуара на парковой стороне Мэлл. Возница в синей с розовым livрее графов Уолденов расположился рядом и читал газету при свете фонаря своей кареты. Всего в нескольких метрах, скрытый во мраке парка, за ним наблюдал Максим.

Им владело отчаяние. Его план рушился на глазах.

Его английский не позволил ему четко понять, что «кучер» и «лакей» не одно и то же, и потому он превратно истолковал смысл заметки в «Таймс» о порядке подачи экипажей. Он рассчитывал, что сам возница должен будет дожидаться у дворцовых ворот появления своего хозяина, чтобы затем бегом вернуться к карете. По первоначальному плану Максима именно в этот момент он собирался обезвредить кучера, переодеться в его livрею и подогнать карету к дверям дворца.

На самом же деле кучер остался при карете, а рядом с дворцом дежурил лакей, что и стало для Максима неожиданностью. Теперь, когда экипаж вызывали, к нему бросался лакей, чтобы потом вместе с кучером забрать с дворцового двора хозяев. То есть ему предстояло устранить не одного слугу, а двоих, причем сделать это скрытно, чтобы ни один из сотен остальных ожидавших на Мэлл людей ничего не заподозрил.

Свою ошибку он понял уже пару часов назад и с тех пор лихорадочно думал, как решить проблему, пока кучер у него на глазах болтал с другими возницами, восхищался стоявшим рядом новеньким «роллс-ройсом», играл в какую-то игру по полпенни и протирал окна кареты. Самым разумным теперь представлялось отказаться от первоначальных намерений и избрать для убийства Орлова другой, более подходящий день.

Но сама эта мысль была Максиму ненавистна. Прежде всего не существовало ни малейшей уверенности, что подвернется второй столь же удобный шанс. А во-вторых, Максим горел желанием прикончить князя именно сегодня. Он уже предвкушал грохот револьверного выстрела, рисовал в воображении, как упадет настигнутый пулей Орлов, составил закодированную телеграмму для Ульриха в Женеву, представлял себе радость от этого известия, которая воцарится в маленькой типографии, заголовки в газетах по всему миру, а потом и революционную волну – она прокатится, сметая все на своем пути, по России. «Я не имею права откладывать покушение, – подумал он. – Необходимо сделать все сейчас».

Тем временем к кучеру Уолденов подошел молодой человек в зеленой ливрее.

– Как сам, Уильям? – спросил он вместо приветствия.

«Стало быть, кучера зовут Уильям», – отметил про себя Максим.

– Грех жаловаться, Джон.

Максим не совсем понимал этот обмен репликами.

– Что новенького в газете? – полюбопытствовал Джон.

– Да вот объявляют цельную революцию, понимаешь. Король обещал, что на будущем годе соберет пожрать с собой только кучеров, а все толстосумы останутся глотать слюнки на Мэлл.

– Ха, так я тебе и поверил!

– За что купил, за то и продаю.

Но Джон уже двинулся дальше.

«Я легко уберу Уильяма, – подумал Максим, – но как быть с лакеем?»

В голове он прокрутил возможный вариант развития событий. Дворцовый привратник оповестит лакея, который бросится бегом от дворца к карете – то есть пробежит примерно четверть мили. Если он увидит в кучерской ливрее Максима, то сразу поднимет тревогу.

Но предположим, что лакей прибегает к месту, где оставил экипаж, а его здесь нет?

А ведь это идея!

Лакей подумает, что ошибся с местом. Начнет осматриваться, в панике метаться и искать карету. Наконец он в отчаянии вернется к дворцу, чтобы сообщить хозяину, что карета куда-то пропала. Вот только к тому моменту Максим уже сам будет вести экипаж со всей компанией внутри через парк.

Дело еще может выгореть!

Да, теперь все становилось еще более рискованным, но все же выполнимым.

Времени на дальнейшие раздумья не оставалось. Первые два-три лакея уже бежали со стороны дворца. Стоявший перед экипажем Уолденов «роллс-ройс» вызвали. Уильям присанисил и нацепил на голову цилиндр.

Максим вышел из-за кустов и, чуть приблизившись, окликнул:

– Эй, Уильям!

Возница повернул голову на голос и нахмурился.

– Иди сюда, скорее! – настойчиво позвал Максим.

Уильям сложил газету, постоял в нерешительности и медленно двинулся в сторону Максима.

У Максима от волнения дрожал голос, но сейчас это ему и требовалось.

– Только посмотри на это, – сказал он, указывая в сторону кустов. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Что? Что там такое? – Кучер поравнялся с ним, заинтригованно глядя в указанном направлении.

– А вот что! – Максим сунул ему в лицо ствол револьвера. – Ни звука, или я тебя застрелю!

Уильям перепугался насмерть. Даже в полумраке Максим ясно видел белки его округлившихся от страха глаз. Это был крупный и сильный мужчина, но намного старше Максима. «Если у него хватит глупости начать сопротивляться, я его убью на месте», – постепенно заводясь, подумал Максим.

– Шагай вперед, – скомандовал он.

Кучер в смятении не двигался с места.

Нужно увести его подальше от света.

– Да шагай же, ублюдок!

Уильям зашел за кусты.

Максим следовал за ним. Когда они удалились от Мэлл ярдов на пятьдесят, он негромко приказал:

– Стоять!

Уильям остановился и повернулся на месте.

«Если он собирается вступить со мной в борьбу, то сделает это именно сейчас», – подумал Максим, а вслух сказал:

– Раздевайся!

– Что?

– Снимай с себя одежду!

– Ты – псих ненормальный, – прошептал Уильям.

– Да, я сумасшедший! Раздевайся!

Уильям все еще не решался подчиниться.

«Если я выстрелю в него, сбежится ли сюда толпа народа? Или кусты поглотят звук? Смогу ли я застрелить его, чтобы не слишком заметно продырявить форму? Успею ли избавиться от ливреи и сбежать, если нас заметят?»

Максим взвел курок револьвера.

Уильям тут же стал расстегивать пуговицы.

Максим по шуму понял, что теперь Мэлл кипела активностью: заводились моторы, звенела сбруя, по мостовой цокали подковы, люди орали то друг на друга, то на лошадей. Лакей Уолден мог показаться в любую минуту.

– Быстрее! – поторопил кучера Максим.

Уильям уже разделся до исподнего.

– Остальное тоже снимай.

Уильям снова застыл в нерешительности, и Максим взял его на прицел.

Кучер стянул с себя нижнюю рубашку, панталоны и стоял теперь совершенно голый, трясясь от страха и прикрывая ладонями гениталии.

– Повернись!

Кучер повернулся к нему спиной.

– На землю! Лицом вниз!

Тот безмолвно подчинился.

Максим отложил револьвер в сторону. Потом поспешно скинул пальто и шляпу и надел ливрею. Подобрал цилиндр, брошенный Уильямом в траву. Подумал о бриджах и белых чулках, но решил обойтись без них: когда он сядет на козлы, его брюки и башмаки никто толком не разглядит – тем более в неверном свете уличных фонарей.

Оружие он положил в карман своего пальто, которое обернул вокруг руки. Одежду Уильяма прихватил с собой.

Кучер попытался поднять голову.

– Не смей двигаться с места и поворачиваться! – злобно рявкнул Максим.

И неслышно покинул темную парковую поляну.

Уильям какое-то время не осмелится даже подняться, а потом, будучи совершенно голым, постарается незаметно добраться до дома Уолденсов. Маловероятно, что он поднимет тревогу и заявит об ограблении, не добыв прежде другой одежды, – для этого требовалась натура куда более дерзкая и лишенная стеснительности. Понятное дело, если бы Уильям догадывался, что Максим собирается убить князя Орлова, то мог отбросить стыдливость – но такая мысль едва ли придет ему в голову.

Запихнув остатки одежды кучера под куст, Максим вышел на освещенную Мэлл.

Именно сейчас у него могли начаться настоящие проблемы. До сих пор он был лишь притавшимся в кустах подозрительным типом, а теперь превратился в опасного самозванца. Если один из приятелей Уильяма – тот же Джон, например, – всмотрится в его лицо, игру можно считать законченной.

Он быстро взобрался на козлы, положил пальто рядом на сиденье, отпустил тормозную рукоятку и хлестнул лошадей поводьями. Карета выехала на середину улицы.

Максим вздохнул с некоторым облегчением. «Я уже сделал почти все необходимое, теперь мне ничто не помешает добраться до Орлова!» – подумал он.

И все же, проезжая по Мэлл, он внимательно посматривал в сторону тротуара – не покажется ли фигура лакея в сине-розовой ливрее. Если бы лакей заметил карету Уолденсов и вскочил на запятки, это стало бы для Максима наихудшим из возможных вариантов. Он только выругался, когда перед экипажем на дорогу вырулил автомобиль, заставив его натянуть поводья, остановиться и беспокойно оглядеться. Лакея не было видно. Мгновение спустя путь оказался свободен, и он тронулся дальше.

Уже ближе к дворцу он заметил справа свободное место рядом с тротуаром на противоположной стороне от парка. Лакей пробежит по другой стороне и едва ли обратит внимание на экипаж, расположенный здесь. Загнав карету на стоянку, Максим поставил ее на тормоз.

Потом спустился вниз и встал рядом с лошадьми, наблюдая за противоположным тротуаром. «Удастся ли мне выбраться отсюда живым?» – не покидала его мысль.

Если бы осуществился первоначальный план, Уолден сел бы в карету, едва бросив взгляд на кучера, но теперь ему сразу же бросится в глаза отсутствие лакея. Открывать для него дверь и опускать ступеньки придется дворцовому слуге. Задержится ли в таком случае Уолден, чтобы расспросить возницу, или отложит разбирательство до приезда домой? Стоит ему заговорить с Максимом, а тому ответить, как иностранный акцент выдаст его с головой. «Что делать тогда?» – мучительно размышлял он.

«Застрелю Орлова на пороге королевского дворца, и плевать на последствия!» – решил Максим.

Как раз в этот момент он заметил молодого человека в сине-розовой ливрее, бегущего по противоположному тротуару.

Максим мгновенно взлетел на козлы, отпустил тормоз и въехал во двор Букингемского дворца.

Там образовалась небольшая очередь. Впереди него красиво одетые женщины и откормленные мужчины рассаживались по своим автомобилям и экипажам. Позади, где-то

на Мэлл, сейчас метался лакей Уолден в поисках кареты. Как скоро он поймет, что нужно возвращаться?

Служители дворца разработали действительно быструю и эффективную систему отправки гостей. Пока одни пассажиры рассаживались по местам, владельцев следующей в очереди кареты уже подвели к двери, а один из слуг в это время предупреждал третью семью, чтобы все были наготове.

Очередь двигалась бойко, и вот один из слуг уже приблизился к Максиму.

– Граф Уолден, – бросил Максим, стараясь быть предельно лаконичным.

Слуга пропал за дверью.

«Не надо, чтобы они вышли наружу слишком рано», – успел подумать Максим.

Очередь продвинулась, и перед его каретой оставался всего один автомобиль. «Не дай Бог тебе заглохнуть!» – взмолился Максим. Шофер распахнул дверь перед пожилой супружеской парой. И машина уехала.

Максим подал экипаж к портику, остановив его чуть дальше, чем следовало, чтобы не оказаться под ярким светом, льющимся из дворца, и сидеть спиной к двери.

Он ждал, не смея повернуть головы.

Вдруг до него донесся девичий голос, спросивший по-русски:

– Признавайтесь, сколько объяснений в любви вам пришлось сегодня выслушать, дорогой мой кузен Алекс?

Капля пота сползла Максиму со лба на веко, и он смахнул ее тыльной стороной ладони.

Потом раздался громкий голос мужчины:

– А где же, черт побери, мой лакей?

Максим сунул руку в карман лежавшего рядом пальто и сжал рукоятку револьвера. «Шесть патронов в барабане», – напомнил он себе.

Краем глаза он увидел, как один из дворцовых слуг метнулся к карете, и через секунду ее дверь распахнулась. Экипаж чуть качнуло, когда кто-то забрался внутрь.

– Послушай, Уильям! А где Чарлз?

Максим напрягся всем телом. Он физически ощущал на своем затылке тяжелый взгляд Уолдена.

Потом, уже из кареты, та же девушка сказала:

– Ладно, папа, брось. Потом разберемся.

– По-моему, с возрастом Уильям совсем оглох. – Голос Уолдена приглушенно зазвучал изнутри.

Дверь захлопнулась.

– Кучер! Трогай, быстро! – скомандовал дворцовый распорядитель.

Облегченно вздохнув, Максим хлестнул лошадей, и экипаж поехал.

Напряжение было столь велико, что когда оно немного спало, Максим почувствовал приступ слабости и головокружения. Но стоило карете покинуть площадь перед дворцом, как им сразу овладела безудержная эйфория. Орлов был теперь в его полной власти, запертый за спиной в деревянной коробке на колесах. Попался, как зверек в силки! Теперь Максима уже ничто не остановит.

Он направил карету через аллею парка.

Держа поводья в правой руке, он запустил левую в рукав своего пальто. Как только ему это удалось, перебросил вожжи в левую руку и проделал ту же операцию с правой. Потом приподнялся на козлах и надел пальто. Ощупал карман, ощутив в нем тяжесть револьвера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.